

Духовная проза

Владимир Крутин

ЭФИРНОЕ ВРЕМЯ



Владимир Николаевич Крупин
Эфирное время
Серия «Духовная проза (Вече)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39472402
Эфирное время: Издательство «Вече»; Москва; 2018
ISBN 978-5-4484-7667-9*

Аннотация

Новая книга Владимира Крупина – русского писателя – вся пронизана светом любви к России, верой в великое предназначение Родины, но не только о будущем ведёт речь автор. Будущее – следствие прошлого, поэтому многие страницы посвящены воспоминаниям.

Не всё в этих воспоминаниях внушает оптимизм, но повествование, порой совсем не весёлое, оживляют элементы юмора, иронии, сарказма. Герои книги предстают перед нами живыми людьми, у которых, конечно, есть свои недостатки, но и достоинств много, и именно эти люди, каждый по-своему, создают Россию.

Содержание

Часть 1. Передай по цепи	5
Передай по цепи	5
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Владимир Крупин

Эфирное время

* * *

В оформлении обложки использована икона «Св. Иоанн Богослов в молчании».

© Крупин В. Н., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Часть 1. Передай по цепи

Передай по цепи (Повесть предупреждение)

Пора выговориться, пора, а то могу не успеть. Въехал уже во времена старения. И когда успел проскочить райское младенчество, счастливое детство, тревожное отрочество, дерзкую юность, взросление, когда? Жизнь пролетела. Похоронил родителей, многих родных и близких, стало вокруг пусто, и понял, что мир вытесняет меня, моё земное время кончается. Его и не запасёшь, над ним мы не властны.

То ругаю себя за прожитую жизнь, то оправдываю, то просто пытаюсь понять, так ли я жил: и при социализме, и при капитализме, и при нынешнем сволочизме. И сколько же поработал сатане льстивому, прости, Господи! Сколько же грешил! Господи, прошу, пока не убирай с земли, дай время замолить грехи.

Ощущаю себя жившим всегда. Тем более много по ходу жизни занимался Античностью, ранними и Средними веками новой эры, и девятнадцатым веком, и тем, в котором жил, и тем, в который перебрался. Прошел все прежние центры мира, коими бывали Александрия и Каир, Вавилон и

Дамаск, Пальмира и Рим, а теперь что? Нефть? Кровь? Туризм?

Сидел на берегах Мертвого (Асфальтового) моря, вглядывался в его мутные скользкие воды. Видел чёрные пески берегов острова Санторини, остатки затопленной Божиим гневом Атлантиды, ходил по склонам Везувия, пытаюсь представить, как Божье возмездие сожгло развратную Помпею.

Стоял у Голгофы и понимал, что именно из-за меня Он взошел на Крест. А потом по воде и суше стремился вослед Первозванному апостолу Андрею, погружался в купели Херсонеса и Днепра. Представлял, что таскаю камни для строительства и Киевской и Новгородской Софии, иду с переселенцами в Сибирь, стою с самодельной свечой на освящении деревянных часовен, а века погода – и каменных храмов. Это я, грешный, стремился на исповедь к кельям преподобных старцев и причащался Тела и Крови Христовых то из простых, то из золотых чаш, опускался на колени перед светлыми родниками и байкальскими водами. И летал над землёй вначале на парусиновых, а затем и на металлических крыльях. Неслась подо мной карта мира полушарий. Взлетевши в Руси, приземлялся в России...

Полное ощущение, что пришёл из глубины тысячелетий и иду в другую глубину. Но вверх иду или вниз? Как все понять? Барахтаюсь в бегущем времени, как в течении реки, и считаю, что живу в настоящем. Но нет же настоящего времени, даже начало этой строки уже в прошлом.

И барахтались вместе со мною мои современники, с ними делил хлеб и соль, с ними старился. Как же нелегко было жить в перевернутом мире, где властители умов, происшедшие от обезьяны, и нам внушали, что люди ведут родство от шерстяных тварей, более того, успешно настаивали, что первична материя, а не дух. Как при таком диком, навязанном мировоззрении мы ещё сохранились, как? Бог спас, другого объяснения нет.

К концу жизни осталось выполнить завет преподобного Серафима: спасись сам – и около тебя спасутся. Это самое трудное. Почему я прожил такую жизнь, а не кто-то другой? Много-много раз моя жизнь могла бы пойти иначе, но шла вот так:

Вспоминаю школу, начальные классы. Мне говорят, чтобы пришёл фотографироваться на Доску почета. А вот не иду. И проходя потом мимо Доски, воображаю, что тут могла бы быть и моя фотография, и втайне горжусь, что смог отказаться от обычного пути отличников. Дальше – то же самое. Из упрямства начинаю плохо учиться, в старших классах остаюсь даже на осень. Заканчиваю школу с одной четвёркой. Остальные тройки. Не еду поступать в институт, работаю в редакции райгазеты. Далее уж совсем необъяснимый поступок – ухожу из редакции в слесари-ремонтники. Могу не идти в армию, но призываюсь на три года. После сержантской школы могу в ней остаться, но прошу определить

в боевую часть. В институте на руках вносят в аспирантуру – ухожу. На телевидении совершенно фруктовое положение – свободное посещение, пишу сценарии да за них ещё и получаю. И от этого отказываюсь. В издательстве занимаю высокую должность, через два года вырываюсь на творческую работу. Возглавляю толстое издание – с личным водителем, секретаршей – и вновь ныряю в полную неопределенность. Преподаю в академии, вроде всё получается, и опять прерываю очередной накатанный путь. То есть, образно говоря, взбрыкиваю, когда надетая упряжь грозит превратиться в ярмо.

Но это всё внешние вещи. Карьерный рост мне не грозил, отпугивал трафаретами. Но одно испытание пришлось пройти – политику. То есть, правильнее сказать, общественные дела. Было время, когда сама жизнь вынуждала писателей вмешиваться во все проблемы по охране природы, памятников культуры, в нужды образования и воспитания. Оно, может быть, было бы и неплохо, будь от этого польза. Всё мы думали, что Россию спасаем, а было почти одно сотрясение воздуха. Советы, фонды, ассоциации, коллегии, союзы, партии... Уставы, программы... Громокипящие аудитории, письма, митинги, протесты. Затянуло в эту круговерть, как собаку в колесо, и меня. Выступали, и много выступали. Идешь по Москве: Кремлевский дворец съездов, Колонный зал Дома Союзов, Зал заседаний храма Христа Спасителя, залы Домов литераторов, архитекторов, журналистов, ком-

позиторов, сотни и сотни аудиторий по стране и за границей. Что говорить о радио и телевидении, газетах и журналах... И кому всё это было нужно? Лысели, седели да здоровье теряли. Да и себя. Уж я-то точно: не общественный я человек, известность не радовала, а тяготила.

В самом процессе писательства только оставалась ещё радость. Но такая краткая, так быстро проходящая. Ну прочли, ну перечли, ну забыли. Что ни скажи, что ни напиши, всё булькает в текущее по пятам забвение. Что мы можем добавить к высоченной горе написанного? И если бы ещё и читатели меня бросили, я бы с радостью швырнул с этой горы свою исписанную бумагу, а за ней и чистую. И долго глядел бы вслед этим чёрно-белым птичкам.

Лет сорок шел я до этих весёлых мыслей, лет сорок назад исповедался и причастился. И как иначе? Я же из православной семьи. И что искать, чего дёргаться? Есть в мире спасение? Есть. Оно вне безголового огромного стада людского, лежащего во зле. Надо войти в единственно живое в этом мире малое стадо Христово. Остальное – суета сует, всё суета. А как войти? Для монастыря я не созрел, а может, перезрел. После размышлений и советов с умными людьми, в число коих первыми вошли монахи и батюшки, я для начала решил направить стопы не в монастырь, а пожить вначале вдаль от Москвы, в одиночестве. Жена моя, человек верующий, меня одобрила. Итак, я решился хотя бы год обойтись без Москвы, скрыться в благословенных просторах России.

Церковь, книги, простая пища, молитвы. А там посмотрим. По своей простоте, которая нынче граничит с глупостью, я не скрывал намерения уехать. Именно в это время приблизился ко мне доброжелательный мужчина, я его и раньше встречал на патриотических вечерах, он говорил о знакомом ему месте в северных пределах. Туда трудно добраться. Зато там лес, поляны, родники. Избы, благодаря демократии, брошены и гибнут, кто сейчас туда поедет? Они вообще все теперь по цене дров. То есть там меня никто не достанет и прочее. А ему там от дальней родни достался дом. Вот адрес, вот ключи. Считай дом своим и живи в нём хоть всю жизнь.

Я походил-походил по столичным проспектам, подышал атмосферой мегаполиса и решился. Напоследок, перед поездом, выкинул в урну Ярославского вокзала сотовый телефон, как последнюю связь с покидаемым миром. Поцеловал жену, поднялся в плацкартный вагон. Перекрестил покидаемый город, попил чаю, лёг, уснул. Доверил своё спящее тело поезду, который, изредка оглашая пространства гудками, потащил меня на северо-восток.

Мужчина предупредил меня, что в село никакой автобус не ходит, что надо будет взять частника. На станции и частника искать не пришлось, он сам ко мне подскочил, прямо к вагону. Будто именно меня и ждал. Машина у него была из породы внедорожников. Внутри был прекрасный запах соснового леса. Я скоро задремал. Но кажется, что тут же и

проснулся.

– Мы на месте! – сказал то ли мне, то ли кому-то водитель.

– Достаточно? – спросил я его о сумме платы за проезд. –

Или добавить?

– Прокурор добавит.

Начало новой жизни

Село было небольшое, безлюдное, заваленное чистейшим снегом. Частник посоветовал мне спросить в магазине, где дом, который мой, и сразу уехал. Магазин был маленький, типовой, то есть шлакоблочный, то есть в нём было холодно. Продавщица непонятного возраста, закутанная во много одежд, показала направление:

– Вы что, в нём жить будете? Вам что, хозяйева ключи дали, родня ихняя? Так-то он крепкий.

Я побежал чуть ли не рысью: это же дом, приют спокойствия, молитв, трудов. Дом среди русской земли! Я его сразу полюбил. Три окна на улицу, цветы под окнами, одворница. Двор крытый, хлев, сарай, баня. Как я понимаю, счастье – это или полное отрешение от всего земного, или же, если такое не под силу, обладание желанным земным. Первого я не заслужил, а на второе надеялся. Мне хотелось вдали от Москвы, заботящейся только о себе, но насквозь пропитанной болтовней о спасении России, забыть её и просто пожить по-человечески. Своими трудами, может быть, даже

показать пример трудов во славу Божию и российскую. И в самом деле – хватит разводить говорильню, надо что-то делать. Делать! Не языком, а руками. Эта земля дождалась меня, и моя цель – не дать ей одичать, зарости и показать, *что* может русский мужчина, если ему не мешать.

Аркаша и другие

Стояла царственная северная зима. Это ликование сердца, этот взгляд, улетающий в солнечную белизну, эти полные вдохи и выдохи лечебного морозного воздуха – всё это увеличивало радость вхождения в новое жилище.

Счастье продолжилось затапливанием русской печи, и сразу подтопка, чтоб быстрее прогрелись ооченевшие стены. Вначале немного поддымило, пришлось даже открывать дверь, чтоб проветрить, но потом труба прогрелась, пошла тяга. И вот уже можно снять шапку, вот уже расстегнул дублёнку. И как-то возбуждённо и нетерпеливо ступал по широким половицам, выходил во двор, прикидывал необходимые дела. Поправить крыльцо, подмазать, побелить печку, вычистить подполье, упечатать окна, застелить полы домоткаными дорожками, красный угол оборудовать. Сложить камин. Да, это обязательно. Сидеть перед ним долгими зимними вечерами и читать хорошие книги.

Восторженное чувство вселения требовало закрепления, причём конкретного. Ведь как у нас: если хорошо, то надо

ещё лучше. Я подбросил и в печь, и в подтопок поленьев по-основательней и отправился в магазин. Мимо дома проходил черноватый мужчина в жёлтой телогрейке. Снявши потёртую шапку, протянул руку, представился Аркадием. Поздравил с покупкой, просил по всем вопросам обращаться к нему.

– Дрова, картошка, овощи какие – нет проблем. Со служебного входа.

В магазине, куда, оказывается, шёл также и он, я взял посудину. Естественным было то, что его приглашу. Стал брать закуску. От радости брал чего подороже.

– Ты идёшь, Аркаша? – спросил я. – Или чего-то покупать будешь? – Зачем было церемониться, все равно же на «ты» перейдём.

– Нет, я так зашел, – отвечал он.

Продавщица хмыкнула. Мы пошли к выходу. На крыльце Аркаша как-то поёрзал плечами:

– Знаете что, разрешите к вам обратиться.

– К тебе, – поправил я. – К вам – отдельно, квас – вместе.

– По рукам! – воскликнул он. – Ты взял дорогую, я видел.

Но ещё возьми пару-тройку бормотухи, левой водяры. Потом поймёшь для чего.

Но я уже начал понимать. К моему крыльцу двигались приличные мужчины среднего возраста. Трое. Я понял, что придётся поить и их. Если хочу иметь тут благоприятную атмосферу для жизни. Нельзя же показать себя скупым, нелю-

димым.

– Но почему плохую брать? Возьму чего получше.

– Не надо, – решительно опроверг мой порыв Аркаша. – И кильки пару банок возьми. Бык помои пьёт, да гладок живёт.

Рукопожатия новых в моей жизни людей были искренни, крепки, имена их я не запомнил. Они дружно заявили, что давно знали о моём предстоящем въезде в село, пребывали в нетерпении ожидания и что сегодня, прямо сейчас, наступает полнота человеческого оживотворения этих пределов. Витиеватость приветствия вернула меня в магазин, где я отоварился дополнительно. Продавщица многозначительно на меня посмотрела.

Начало новоселья

Около дома нас ждали ещё трое человек. Завидя нас, стали прямо ногами разгребать дорожку к дому. Тоже трясли и сжимали мою заболевшую правую руку. На крыльце шумно топали ногами, оттряхивая снег. Крыльцо содрогалось.

Такой артелью ввалились в мои хоромы. В них уже было можно снять верхнее одеяние. Замороженные стёкла в окнах начинали сверху оттаивать. Пальто, телогрейки и шубы свалили в угол. Снова обменялись рукопожатиями. Я просил всех называть меня на «ты».

– Мы Господа Бога на «ты» называем, а друг с другом будем чиниться?!

– То есть вы, то есть... ты не чинодрал? Но как же, вы же...

– Не вы же, а ты же! – поправил я.

Аркаша распорядился. Со двора тащили доски, клали на табуретки, получались скамейки. Два ободранных стола застеливали, как скатертью, очень приличными листками белой бумаги.

– Откуда такая?

– Да мы тут упакованные, – отвечал лысый человек. – Но ты им скажи: какая же это была империя, если центр кормил окраины? И императора не было: Сталин же не император, диктатор, да и то ещё вопрос.

Я даже растерялся:

– При чём тут империя, мы же выпить собрались. Прошу!

Зашумели, рассаживаясь. Севший на пол кричал, что так лучше, падать некуда.

– Мы тебе всё обустроим, – горячо обещали они. – Вешалку из карельской березы притащим. Дом же с вешалки начинается. Ты не думай, мы не пьяницы, но суди сам, как с нами поступили! И не работай, и уехать нельзя. И никакой связи! Тут запьёшь, не то что...

Аркаша отозвал меня в кухню, сунул стакан.

– Давай! За тя, за мя! А им налей по сто, по сто пятьдесят и выгоняй. Ну, ты – хозяин, твоя касса, я предупредил.

От старых хозяев остались треснутые чашки, толстые мутные стаканы, ещё оказалось, что у некоторых стаканы были с собой, так что хватило.

– Сами наливайте, – велел я, за что получил от Аркаши пинок под столом.

Запах сивухи заполнил застолье. Аркаша подставил мне посудину, как я понял, налитую из качественной бутылки. Этим он отличил нас с ним от основной массы.

– Обождите, хоть колбасу нарежу, – сказал я.

Но они дружно загудели:

– Да зачем ты, да что ты, да разве мы не едали, да и зачем ты на еду тратился, себе оставь, рукавом занюхаем.

– Поднимем стаканы да хлопнем их разом, – возгласил человек в кителе. – С новосельем! Да скроется разум!

– Да скроется и тьма! – поправили его.

– Во тьме скроется разум! – бодро поправился он.

О, тут народ собрался грамотный.

– Ты, солнце святое, гори! – И я вознёс свой гранёный кубок.

– Кустиком, кустиком! – кричал невысокий лысый бородач. – Сдвигайте!

Сдвинули стаканы. И правда, получился стеклянный кустик, выросший над столом на секунду и сразу распушившийся. Пошло у всех, кроме одного. У него, как говорится, не прижилось, он выскочил.

– Раз травил я в окно, было душно невмочь, – такая была реплика.

Бедняга вернулся побледневший, но ещё более желающий выпить. Ему налили, но велели беречь драгоценность, отпи-

вать по чайной ложке и прислушиваться к организму. Все с таким состраданием смотрели на него, так солидарно морщились, что участие помогло. Он стал порываться рассказать анекдот, но не мог его вспомнить.

– Сегодня не твой день, – сказали ему. – Не ходи в казино.

Добрались и до закуски. Мазали масло прямо на колбасу. Особенно любовно отнеслись к селёдке.

– А-а! – вдруг крикнул бледный мужчина. – Вспомнил! Вот! Один мужик всегда брал в магазине одеколон «Тройной». А тут приходит, просит ещё одеколон «Сирень». «Зачем тебе?» – «Будут дамы».

Не надо было ему этот анекдот рассказывать, ибо давно замечено, что слова могут воплощаться. В дверь постучали, и вошла дама. Лет то ли под сорок, то ли за. Она села рядом со мною, оттерев Аркашу.

– Жду, жду, напрягаюсь, думаю, пригласишь. Но я не гордая, сама пришла. Ждал Людмилу?

Застольем командовал Аркаша. Двоих отправил за дровами.

– Пока не напились: марш-марш! Гената свистните, он знает где и что. Сухих, лучше берёзовых. Берёзовые жарче, – объяснил он, считая, вероятно, что я и в этом не разбираюсь.

– Какие будут указания? – спрашивали у меня.

– А без указания вы не можете?

– Можем! – Мужчина с бородой обратился через стол. – Ладно, буду тоже на «ты», я сразу, а то потом к тебе не про-

бьёшься, докладываю проблему дорог. Я занимался коммуникациями. Спасение России – в бездорожье. Любишь Россию – ходи по ней пешком. И желательно босиком. Появляются дороги – начинается разложение: наркотики, преступность, остальное.

– Хватит о работе, – перебили его.

Вот уже и последняя бутылка задрала дно к потолку, а коллектив ещё только-только начинал разогреваться. Аркаша выразительно смотрел на меня. И другие смотрели. И что? И кто бы на моём месте поступил иначе? Раскопав в груди одежды свою куртку, я двинул в торговую точку.

Продавщица отлично понимала, что происходит в доме нового жителя, и советовала взять чего попроще.

– Мне-то выгодно продать дорогое, но вас жалко. Вот этим тараканов травят. Скорее упадут. Но сами это не пейте. А их не напоить. Мы, говорят, и работали до смерти, и пить будем до полусмерти.

Заговори, чтоб я тебя увидел

Около дома стояли широкие санки, нагруженные берёзовыми поленьями. У крыльца уже поселилась деревянная лопата для разгребания снега. В доме услужливо показали, что на кухне появились вёдра с водой.

Женщина Людмила снова сидела рядом. Человек в полувойенной форме встал:

– Прошу всех встать! За того, кого нет с нами!

И все посерьёзтели вдруг, встали и, не чокаясь, выпили. Причём я невольно заметил, как они переглядывались, изображали горестное состояние, взглядывали на меня, значительно кивали головами, потом отклоняли их под напором стакана, потом горестно созерцали его опустошённое дно, садились и сокрушённо склоняли головы. Потом, после приличного моменту молчания, была возглашена здравица:

– Теперь за того, кто пришёл на смену!

Все потянулись чокаяться именно со мной. В полном недоумении я выпил. Ко мне протиснулся человек с листочком в руках:

– У нас же всё отняли: и труды, и технику. Даже личные ноут-буки. Всё отключили, живём в изоляции. Мы ж не с чего-то пьём. Так-то я спец по сферам управлений. Но немного архитектуру. Вот почеркушка. Тут двухскатность, здесь теремообразно. Тут в плане зала для собраний.

– Для каких собраний?

– Общественных! Но чтоб в будущем никакого асфальта! А то вот случай, был дом на улице Берзарина в Москве, в доме смертность зашкаливала. Сняли паркет, подняли оргалит. И что? Под ним мина – асфальт. Это же сгусток канцерогенности, раковая предрасположенность. Мёртвое море раньше называлось Асфальтовое. И когда стали в России делать асфальт, то звали его «жидовская мостовая». Гибнем от асфальта. А не за какой-то там металл. Люди гибнут за ас-

фальт.

– Но это же надо изложить! – воскликнул я.

– Я подготовлю обоснование. – Человек поклонился и отошёл.

Тут Аркаша стал читать стихи. Оказалось, собственные:

Ох, бабы, бабы, ума бы вам кабы побольше бы, бабы.
Не квакали бы вы, как жабы, а были бы Божьи рабы.

– Аркаша, – растроганно сказал я, – вот тоже всё думаю, если бы классицизм не был бы так консервативен, его бы не вытеснил романтизм. А романтизм нам ни к чему. Уводит от реальной жизни, воспекает вздёрнутые уздой воображения чувства.

– А ты как думал, – отвечал Аркаша. – Как иначе – во всём борьба.

Женщина поникла и задремала. Архитектора сменил человек с ещё большей и уже седой бородой:

– Хватит слов! Мир перестал уважать слова, от них осталась только оболочка. Но есть же скульптура! Тут они все штучные многостаночники, а я как есть скульптор, так и есть. Ты ж видишь, я тут всех старше. Меня привезли лепить новых вождей. Чтобы, как власть сменится, мои работы размножить и натывать по стране. Но мне ж не позировали! Нет доступа к телам. А объём? Только фото. Смотри! – Он вытащил пачку снимков, но в руки не дал, раскрыл веером. Всё

мужчины с решительными взглядами в объектив. Ни одного с бородой. Он убрал снимки. – Я могу вслепую рельеф вести. Но! Кого слеблю, тому кирдык. Слепил Горбача – и что? И его тут же под зад. Борю ваял, и он вскоре не зарулил. Лепить этих или подождать? Но вообще как-то сероваты, мелки. Неинтересные черепа, слабая лепка. Какая твоя инструкция?

– Творческий человек инструкций не слушает. Бога надо слушать. Ренессанс в пример не бери. Какое там Возрождение, чего врать? Дикое язычество Античности реанимировали, труп оживляли. Ты согласен?

– Попробуй я не согласиться, – отвечал скульптор. – Ты же начальник, значит, мы обязаны руки по швам. Я вот всё пробую к Сталину подступиться. Любить его не за что, но он же – история. «Чуть седой, как серебряный тополь, он стоит, принимая парад. Сколько стоил ему Севастополь, сколько стоил ему Сталинград?» Остальных изваять – раз сморкнуться: земнородные. А он всё выше и выше. Отчего? Оттого, что лилипуты стараются грязью забросать. Я ещё кукурузника успел изваять. Он на трибуне, по трибуне стучит кукурузным початком, в другой руке – ботинок. Голова легко далась – бильярдный шар. Уши прилепил – похож. Но а что? Сковырнули. А эти? Ты ж видел? Скушны модели, трафаретны позы, жесты перед зеркалом разучены. Нет, не они спасатели России.

– Изображай спасателей. Крестьян.

– Да оно бы и неплохо, но позировать им некогда: пашут.

– А рабочих.

– Эти пребывают в спячке. Даже свои цепи потеряли.

Оставили только каски для стука. Лучше... – Скульптор всмотрелся в меня: – Дерево! Ты не для бронзы. Твоя голова топора просит. Пару сеансов – и свободен. Горлонару, назовем так гонорар, не надо.

– Ну, подыдем, – воззвал истосковавшийся по вниманию Аркаша. – За то, чтоб крысы в подвале не плодились.

Вставший в рост мужчина в кителе возгласил:

– Нет, не спойть врагам Россию, вина не хватит на земле! – Он оказался громче всех. – Ти-ха! Вопрос: от кого зависит наша жизнь? Конкретно. Думайте. Вас, мозгачей, зачем сюда везли? Поглядите в окно. – Все мы невольно глянули на тёмные, уже полностью оттаявшие окна. – Есть на улице голубые каски ООН? Нет? А почему нет? – Он грозно обвёл взглядом застолье: – Докладываю: а потому нет, что в стране есть оборона. А в этой обороне я был не лишним, но горько вспомнить куклят-марионеток истории – Мишку-похвальбишку и Борьку-алкаша. С них начиная, всё потащили на продажу и измены пошли сплошь и рядом. И одна наша сволочь, был такой, продал секреты обнаружения низколетящих целей. Это о-о-о! Бери нас голыми руками, вот как это называется. Вот такой оказался Мазепа, Петлюра, Бандера и Азеф заодно. В общем, целый поп Гапон. Н-но! – Оборонщик поднял указательный палец, потом помахал им справа

налево и обратно. – Н-но русский ум неустрашим. Мы за отрезок времени замасштачили кое-чего. И получше. Летите, голубчики. Не летят. Зна-ают. Так что спасибо продажным сволочам. Воруйте, нам это только на пользу. Это же русские мозги, это же надо понимать.

– Скоро магазин закроется, – напомнил скульптор. – В счёт авансов, а?

– Я с ним! – вызвался и этот высокий, в кителе.

– Ноги в руки! – Аркаша не упустил командирство. Перехватил у меня деньги, немного убавил и отдал. – Пулей!

Они даже и пальто не стали надевать.

– А вот и я, она самая, – раздался женский голос. Это проснулась Людмила. Резким взмахом поправила причёску и с ходу включилась: – За время внезапного сна лицезрела корриду. Быки мельче наших, нервные. Один оторвался, два киоска снёс и летит! А я поймала. Хоп за ухо, он пошёл как телёнок. И тут я просыпаюсь.

– Наша жизнь! – выступил Аркаша:

Ты, Россия моя, золотые края.

И была Россия, Святая Русь, а теперь какая грусть.

Раньше были мы свободны и не были голудны.

Зазря не послушали мы царя.

Остались с лопатой да с судьбой горбатой.

На столе ни шиша, в кармане ни гроша.

Потому что пришла перестройка, а это одна помойка.

Собутыльники ждали моей оценки. Я спрятался за известную формулу:

– Не знаю, как насчет поэзии, но насчёт демократии правильно.

Аркаша, разойдясь, объявил, что прочтёт ещё, уже без политики, и начал было чтение: «У меня выбор был большой, зачем женился я на ёй?», но раздался возглас:

– Ревную! – Возглас принадлежал сидящему на полу человеку в очках. – Долой самодеятельность! Слушайте настоящее: «И возродить нам хватит силы, почти у бездны на краю, из разроссиенной России Россию кровную свою!» Как?

– Отлично! – сказали все.

– Очкарик заработал стопарик? Не старик я и не карлик.

Вернулись из магазина посланники. Народ добавил. Время несло к полуночи.

Конечно, такое новоселье не радовало, но сам же пригласил. Но вообще-то нашёл, называется, обитель дальнюю.

Аркаша отгрёб ногами к порогу загремевшие пустые бутылки и возгласил:

– От пьянки не будет Россия во мгле, не хватит поскольку вина на земле! – Выпил, крякнул и запел: – «Маруся раз, два, три, калина, чорнявая дивчина, в саду ягоды брала». И стал даже маршировать на месте.

Оборонщик брякал граненым стаканом по бутылке:

– Команде пить чай!

И все воспрянули. Интеллект, разбуженный вином, вновь

стал себя озвучивать:

– Ты, Лёва, запомни: мондиализм, масонство, космополитизм, сами вызывают к жизни национализм, а потом обижаются.

Тут Людмила досадливо дернула плечом:

– Опять про умное. Да ну вас! Я ушла. – И ушла.

Застольные крики

– Хозяин нужен! – кричали за столом. – Хозяин! Задницу доллару не лизать! Нефтяные рубли – на возвращение русских в Россию!

– Ворьё – на копание траншей! За курение и пьянку пороть! Киношников запирать в пустом зале и круглосуточно крутить для них только их фильмы.

– Что нужно, чтобы любое дело загубить? – спрашивал поправивший здоровье архитектор. – Что? Надо всё время долдонить: инновации, инновации. И каркать: мастер-класс, мастер-класс. И квакать: хай-тек, хай-тек! И заездить всех симпозиумами. И призывать смотреть на Запад. А смотреть на Запад – значит, глупеть. А когда говорят: продвинутый – значит, зомбированный.

Я соглашался и в свою очередь тоже выступал:

– Вот вы думаете, зачем я пришёл в этот дом? Я к земле вернулся. Земля спасёт!

– Отличный посыл! – воспарил ещё один человек. – Уж я-

то знаю, какие травы с какими не растут. Одни сорняки стравить с другими, и всё – полезное расцветает. Так же и люди, так ведь? Надо стравливать банк с банком, банду с бандой, а то всё нас стравливают. Налей лично сам... подбавь... стоп! Теперь кудри наклонять и плакать.

– До чего дошло! – обращал на себя внимание лысый мужчина в приличном пиджаке. – Дошло до создания науки биоэтики. Этично ли отправить бабушку на прекращение жизни, то бишь на эвтаназию, этично ли послать жену на аборт и этично ли самоубийство, то бишь суицид. Этично ли насилловать маму, то есть инцест. Слова какие: суицид, эвтаназия, инцест! Музыка ада. Не хочу в такой мир!

– Ильич, опомнись, – заметили ему. – Тебя туда уже и не выпускают.

– Но мы успели сказать главное, что наука ведет к гордыне. Пример? Письмо происшедших от обезьяны нобелевских лауреатов против преподавания Основ православной культуры.

Для окурков оборонщик нашел подходящую пепельницу – приспособил ведро. Ведро тоже будто курило, постоянно дымилось.

– Не нужен наш ум? Не слушают нас? – вопрошал очередной специалист. – Им же хуже. А мы спасёмся мышцами! Перестанем пить, будем трудиться. А что пьём – это прощительно. Бог пьяниц жалеет. Это не пьянство, судьба такая. Отцы пили, мы опохмеляемся.

– Пьяницы Царства Небесного не наследуют, – как-то робко сказал бледный большеглазый юноша.

– Не упрекай, Алёшка. Начальник приехал, надо отпраздновать. Пьяницы – немцы, а не мы. Они систематически пьют. Или пивные нации – чехи и венгры. А запоями лучше. Всё-таки и перерывы.

– А как не пить? В стране хаос – значит, в людях хаос.

– Транссиб проложили, Гитлера победили, а тут целина, тут волюнтаризм, тут когда отдохнуть?

– Ты что, да чтоб русским дали отдохнуть? Много хочешь. Да мы в любом веке живём с перегрузками. С пятикратными.

– Куда денешься, у нас не менталитет, а трехжильность.

– Нам нужны победы! – кричал я. – Теплохладные и нейтральные идут за сильными. Но мы не в Древнем Риме. Хлеба и зрелищ? Оттого и исчезли. Но здесь Россия, и мы Византию не повторим. Нет, парнишки, жить надо начинать серьёзно.

– Мы этого и ждали, – кричали мне в ответ, – мы по настоящей работе соскучились. Спасибо тебе – приехал!

– Для начала заклеим тех, кто дрищет на русскую историю! – заявил лысый Ильич. – Ломоносов писал об изысканиях Миллера, цитирую: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая запущенная в них скотина».

– Не наливайте ему больше! Это не о Миллере, о другой скотине – о Шлецере.

– Вот-вот, – одобрил я, – вот уже научный и практический спор. Да, ребяташки, пора вам в переднюю траншею.

– Это законно, на фиг, что в траншею, – одобрил меня как-то внезапно появившийся молодой парень, показав большой палец. – А пока сиди и радуйся. Вообще это мужская коронка – пить без передышки. Хоть и тяжело, а крылато.

Парень по-хозяйски уплотнил ряды сидящих, сел в середину, хлопнул рюмку, стрельнул сигарету, сказав при этом: «Дай в зубы, чтоб дым пошёл», затянулся, оглядел застолье орлиным взором и расправил грудь.

– А гром, значит, ещё не грянул? Ну-ну, – учительски заметил я.

– Пока погромыхивает, жить можно, – отреагировал парень и сообщил: – Дров это я тебе организовал. – И сунул руку: – Генат.

– Вообще, не пить – это так же хорошо, как пить, – высказался Ильич. – На счёт раз: пей до дна; на счёт два: будь готов бить врагов. Вот тут и выруливай.

– Всегда сражаемся со змеем, – бормотал лежащий поэт, – то рюмкой, то и топором, но грянет вдруг над Русью гром – мы моментально протрезвеем.

Сидели дружно

– Кто виноват в наших бедах? – вопрошал я. – Есть вина государства? Есть! Но прежде всего и наша! Вы – русские

мужчины. Вам ли пить? И чтобы семья! И чтобы с кем венчаться, с тем кончаться.

Мужчина, видимо музыкант, усилил звуки своего голоса:

– Аристотель изрёк: хотите крепкое государство – контролируйте музыку!

– Какой Аристотель! Это же Платон, книга «О государстве».

Аркаша вновь задалбливал стихами:

Я тихонько с печки слез, взял я ножик и обрез.

Мне навстречу Севастьян, он такой же, из крестьян.

Много дел у нас чуть свет: жгём читальню и комбед.

– Не жгём, грамотей, а жжём! – поправил лежачий поэт в очках.

– Главное – набрать объём, – гудел мне на ухо скульптор. – А сколько моих бюстов в доме мочёных и в музее развалюции, при желании можно атрибутировать.

– А меня батюшка спрашивает, – вскидывалась внезапно вернувшаяся женщина, – почему ты не была на службе, Людмила? Я отвечаю: я вино вкушала, батюшка. – Слово «вкушала» ей очень нравилось.

– Давайте общий разговор вкушать, – предложил я. – Вот чем вы объясните синдром теперешнего безразличия к судьбе Отечества?

Кто-то поднял голову:

– Это не безразличие, это необъяснимое качество русско-

го народа. России некуда спешить, она единственная живёт по-человечески. Остальные бегут, бегут и бегут и исчезают. Хоронят себя в своей жадности и суете.

– Слышали? – восхищённо возопил я. – Все слышали? Кто это сказал?

– Да это Ахрипов, – сообщили мне.

– Ахрипов! Снимаю шляпу! Русскую идею ищут. Да идея любого народа появляется вместе с ним, иначе и народа нет. Приняли Православие – появилась Русь. За Русь!

Такая здравица уничтожила остатки напитков, и я стал порываться в магазин, чтоб продолжать славить Русь, но мне доложили, что магазин погасил огни. Но так как есть проблемы труднорешаемые, есть долгорешаемые, но нерешаемых нет, то и эту разрешим, ибо в заснеженной ночи неумоимо работает самогонная фабрика. Правда, её владельцы, вот собаки, взвинтят по случаю новоселья цены. Но это меня не устрасило. Помахивая ассигнацией, спросил:

– Чьи ноги? Сам бы, как Ванька Жуков, побежал, дороги не знаю.

Оказалось, что знает только Аркаша.

– Вперёд, усталая пехота! – велели ему.

Половина бойцов уже полегла на мои половицы. Тела их раздвинули, сделав проход к дверям. Я вспомнил о печке и подтопке. Всё в них прогорело. Закрыл трубу.

– Не могу понять успеха песни про атамана, с которым либо жить, – рассуждал музыкант. – Порубанные, пострелян-

ные люди. А жаль кого? Буланого коня? Музыка заказана. Или завывания Оболенского и Голицына по поводу того, что не они, а комиссары «девочек ихних ведут в кабинет». Девочек не поделили. Всего-то?

Вернулся Аркаша с трехлитровой бутылкой мутной жидкости и со словами:

– Там у них радио настроено на Москву. В Москве семь миллионов мигрантов. Это кто? Тараканы, что ли, какие?

Вот уже и ночь

Проёмы окон, не закрытые шторами, были темны, и казалось – пространство избы сдавливается чернотой. Застолье сбавляло обороты, выдыхалось. Наступила беззвёздная ночь.

Аркаша всё мне жаловался:

– Негде же заработать. Вышел я на работку, и отбили сразу охотку. Зарплату дали так уныло, что не хватило даже на мыло. И за свет заплати, и на морозе ногу об ногу колоти. Вот так, друзья интеллигенты, надо народу платить алименты. Ведь мы живём без папы и без мамы, пустые наши карманы. Выйду на улицу, попрыгаю, поскáчу, вернусь домой и заплачу.

– Как это – поскáчу? – спросил я. – Поскáчу. «Поскачú» надо. Ты русский язык береги, ты его хранитель, ты народ, понял? Если уж из интеллигентов сделали дураков, так на-

роду-то надо сохраниться.

– Храню, храню, – торопился Аркаша. – Вот, например, храню: «Люблю грозу в конце июня, когда идет физкультурпарад и молча мокнет на трибуне правительственный аппарат».

Нас услышал лежащий у ног и сильно до этого храпящий рифмующий мужчина. Он и спал в очках. Сел и прочёл сидя:

Всё, что надо, есть в жизни для счастья,
Только нету его самого.
Нету в мире к России участия,
И плевать нам, что нету его.

И вновь откинулся. И я созрел для сна. Аркаша спихнул какого-то страдальца со старой ржавой кровати, назвавши его Лёвой, велел ему карабкаться, как он выразился, в общественную палату, то есть на полати, навалил на панцирную сетку всякие верхние одежды и показал услужливо: тебе. Сам по-собачьи улёгся на полу.

– Да, пребываем во мраке, – кричал кто-то. – Но в этом мраке есть высверки истины, искры разума и молнии мысли. Скандинавская история Руси навязана! Аналогии с Византией – натяжка! Науськивания на Белоруссию – свинство!

Эти высверки молний озарили мне пространство моего сна. Ближний Восток предстал в нём в виде жаркой кухни, и кто-то горячо шептал на ухо: «Ставь русский котёл на плиту, ставь, пока есть место».

Алёша и Людмила на крыльце

Кое-как пробрался, шагая по телам, но всё-таки не по трупам: люди храпели, хрипели, стонали, чесались. Запнулся о поэта. Он включился:

– Ты собою владей, не ступай на людей. Да-а, жизнь, куда ни посмотри я – везде одна психиатрия.

На крыльце кто-то был живой. И этот кто-то рыдал. Слабая луна осветила и крыльцо, и рыдальца. Это был тот самый юноша, который сказал, что пьяницы Царства Божия не nasledуют.

Я постоял рядом, тронул за плечо:

– Иди в избу, простынешь.

– Нет, – отпрянул он, – нет! – Высушил рукавом слёзы на щеках. – Я плачу и рыдаю не напоказ. Я вижу мир, – он повёл рукой, как диакон, – который виноват перед Богом.

– Поплакал – и хватит.

– Алёша, – представился он, суя мне дрожащую мокрую руку. – Я был монахом. Я спасался. Мог спастись, реально, но старец послал в мир. А тут! Нет-нет, мир этот не спасти.

И ещё одно явление было на крыльце. Опять Людмила.

– Не подумайте чего, покурить пришла. Так вот, была я у него референтом, но не будем ханжить – не только! Мне и подковёрные игры известны, и надковёрные. Но он был реальностью, куда денешься. Даже не знаю, отец ли он моих де-

вочек. А вообще мужики – это всё брюко- и брюхоносители.

– Ах, всё не так! – воскликнул Алёша. – Вы же его любите!

– С чего бы я стала его любить? – спросила меня Людмила. – Да и кто он? И где он? Это тебя, малахольный, Юлька любит, а ты не ценишь. Смотри, упустишь!

– Людмила, – сердито сказал я, – мне некогда вникать в вашу жизнь, я в ней случаен. Кого ты любила, кто отец, где дети – мне это знать не надо. Но откуда все эти артельщики? Это что – спецпоселение какое?

– Это мне тебя надо спросить, – отвечала Людмила, выскребая из пачки сигарету.

– Алеша, пошли досыпать, – пригласил я. Но оглянулся, Алёши уже не было. Ладно, что мне до всех до них. По дороге к лежбищу снова споткнулся о поэта. И будто нажал на пружинку, он резко сел и продекламировал:

Надев коварства гримы, сполняя папин труд,
Из Рима пилигримы на Русь Святую прут.
Цветет в долине вереск, весна пирует всласть,
Жидовствующим ересь у нас не прижилась.

– Каково? – гордо спросил он. – Из себя цитирую. Конечно, не великий сменщик Пушкина Тютчев, но! Учусь у него. «В русских жилах небо протекло». Это написано порусски. Доходит?

– Доходит. Спи.

– Есть! – отвечал он и в самом деле принял горизонтальное положение. Но, засыпая, пробормотал: – Тогда не прижилась, но сейчас перешла в новые формы. И это нарушает всякие нормы. Кармы – в корму для карма карма! – И храпанул.

«Проснись, Ильич взгляни на наше счастье!»

А утром... что утром? Аркаша ходил по избе как дневальный и пинками будил население. Конечно, хорошо бы сейчас тут одному остаться, но нельзя же было их выгнать. Они видели спасение только во мне. Просыпались, сползали с общественных полатей, смотрели ожидающе.

– Нам же не для пьянки, – гудел оборонщик. – Мы проснулись, нет же войск ООН под окнами. Не вошли же ещё в Россию войска, лишённые эмоций. Так что по этому случаю, а? Начальник, а? Нас вывезли, мы горбатились и стали не нужны? Мозги-то мы не пропили! Должны же нам заплатить! Вася, как ты себя чувствуешь?

– Было бы лучше, не отказался б, – отвечал взъерошенный Вася. – Но, может, дать организму встряску, денёк не пить? Эх, пиджак-то измял. Аркаш, тел уснувших не буди, в них похмелье шевелится.

На Аркашины пинки не обижались. Поэт и глаз не открыл, только произнёс:

– Гармоничная личность – для дураков утопичность. –

Открыл глаза, встряхнулся и сообщил: – С утра живу под мухою, похмельем благоэхаю. Нет, не так. Я жизнь свою с утра не хаю, я чувю, как благоухаю. Не прерывайте творческий процесс, уж прекращён диктат КПСС. Но мне ответьте на вопрос: кем оскорблён великоросс? Разбудишь, когда принесёшь. Ведь жизнь во мне не умерла, умею пить я из горла. – И поэт отвернулся к стене.

– Проснись, Ильич, взгляни на наше счастье, – сказал Аркаша лысому.

– Серпом по молоту стуча, мы прославляем Ильича, – добавил скульптор. – Слышь, Ильич, хочешь политическое удовольствие получить?

– А почему бы и нет, – зевнул Ильич.

– Незалежни, незаможни, самостийни хохлы, когда дуже добре не могут вталдычить собеседнику простую истину, то кричат: «Я тобі руським язиком кажу!» Ось то заковыка.

Ильич снова, ещё крепче, зевнул и шумно поскрёб лысину. Обратился ко мне:

– Ну как там мавзолей? Всё пока ещё или, несмотря ни на что, уже? Мавзолей – это же Пергамский престол сатаны. Если всё ещё не снесли, зачем было будить? Аль нальёте? Это бы вот было архиактуально, архисовременно и архисвоевременно. – В Монголии, – он зевнул уже слабее, – водка называется архи. Там у трапа самолёта прилетевших встречают этой архи и очень хвалят Ленина, сказавшего: «Архинужно, архиполезно, архинеобходимо». После этого остальное

не помнишь. Не надо нам было туда трактора вдвигать, не земледельцы они, скотоводы. А арабы плотину Асуана помнят, мы им пойму Нила залили.

– Начальник, ну вот скажи, – возгласил Вася, – это нормально? Вернулись с кладбища – все работы, компьютеры, телефоны, всё исчезло! Мистика! Тут запьёшь.

В избе колыхались сложные запахи похмелья. Хотелось на воздух. Тем более всё равно придётся пойти за жидкостью для их реанимации. Другого счастья наутро после крепкого застолья не бывает.

– Ты иди, – виновато говорили они, – мы тут приберёмся.

Дорожка моя была протоптана. Странно, но чувствовал себя очень даже нормально. Раннее солнце нежилось на облаках над горизонтом, но чувствовалось, что до конца оно из постели не поднимется. Так, потянется пару раз, да и опять на покой. Зима, можно и отдохнуть.

– Ну и как живёте? – вроде даже сочувственно спросила продавщица.

– Да по-разному.

– Ладно, что хоть не по-всякому. Но всё равно для всех вы хорошим не будете. Они вас уже и так ославили. Знаете, как о вас заговорят: вот приехал пьяница командовать пьяницами.

– Спасибо за пророчество, – благодарил я. – А пока надо мне их опохмелить.

– Это благородно, – одобрила она. – Хотя из-за них нам никуда и не выехать, но тоже люди.

– Как никуда не выехать?

– А куда нам выезжать? – ответила она вопросом на вопрос.

В ставшем родным доме меня приветствовали как вернувшегося с поля боя. Было приблизительно убрано. Аркаша дурашливо приложил руку к пустой голове:

– В глухом краю вглухую пью. Открываем перцовку, начинаем массовку. – Он свинтил пробку, стал плескать во вчерашние стаканы. Народ воспрянул. Аркаша комментировал: – Запах услышав родной и знакомый, зашевелился моряк. Пей, профессура!

Первая серия опохмелки прошла мгновенно. Часть народа выпила и упала досыпать. Звяканье посуды пробудило поэта, он протянул руку за стаканом:

Не будем, братцы, гнаться за процентом,
Не для кончины жизнь была дана,
Но вскоре здесь членкоров и доцентов
Прощальные напишут имена.

Выпил, снял очки, протёр их шарфом и опять захрапел. На кухне, к моему изумлению, распорядилась юная особа. В вышитом передничке.

– Кастрюльку принесла, – сообщила она и назвалась Юлей. – Капустки, свеколку, морковку, борщ надо сварить.

Нельзя же без горячего. Так ведь? А то тут такой президент-отель, что с голоду загнёшься.

– Я женат, – сообщил я.

– Даже так? Но это ж где-то. – Она щебетала, а сама ловко распорядилась посудой и овощами. – Лук я сама почищу, вам плакать пока не с чего. Так ведь, да? Мы были как плюс и минус, как половинки, разве не так? Всё будет хорошо, да? У нас будут красивые дети, не так ли? Аля-улю, лови момент! Дозреет вскоре мой клиент. В вашем возрасте надо думать об оставит след на земле, а? Ещё не вечер, а?

Не успел я спросить, что за момент мне предлагается ловить, как меня вновь дёрнули за рукав и говорили:

– Выдай ещё валют. В счёт будущей зряплаты. Надо же продолжить. На халяву и извёстка – творог, так что хоть бы бормотухи. Надо правильный опохмел соблюсти. Хоть посидим. Ты не думай, мы тебя под монастырь не подведём.

– Это как раз было бы хорошо, – отвечал я. – Был бы игуменом, вы б уже на поклончиках стояли.

– Ну ты садист, – отвечали мне. – Мы не только стоять, мы сидим еле, а ты – поклончики.

– А ежели гром грянет, а? – спросил я грозно.

– Ты и вчера громом угрожал, – отвечали мне, обнаруживая свою, лучшую, чем у меня, память. – Мы отвечали, что перекрестимся и встанем. Но сейчас-то не томи.

Новый день. Разговоры о разном

День, начатый правильной опохмелкой, продолжился учёными разговорами. Вася разговорился:

– Во всем вижу влияние цифр. Вот размах: от бесконечно малых величин до бесконечно больших. Такая амплитуда, такой маятник. С ума сойти: как это – бесконечно большие? От этого ужаса введено понятие икса. Икс в энной степени – это что? Или: мнимая величина. Мнимая! И живём?

– Тут не только цифры, – заговорил худой Лёва, – есть и тела. Прикинь – звезда размером с галактику, да? Или в эту сторону: нейтрон недоступен визуальному зрению, а для какой-то частицы он – великан, да? И у блохи есть свои блóхи.

– Лёва, стоп! – воскликнул Ильич. – Визуальное зрение? Ты *так* сказал? На колени перед русским языком! Английский легко заменить долларом, а на русском с Богом говорят! Ты ещё не на коленях?

– А ты что, русский язык?

– Говори просто: есть звёзды-карлики, есть гиганты. И сотни движений звёзд и планет. Пора, кстати, подумать, когда возобновим работу, как при грядущих катаклизмах вписать нашу планету в безопасную систему плавания во вселенной.

– Для начала надо покончить с зависимостью от нефти. Энергий в России не счесть: солнце, ветер, вода. За энергию

без нефти! – Это выступил Вася.

Лысый Ильич как-то очень нервно вновь потребовал внимания:

– Позвольте продолжить вклад в утреннюю беседу: западные имена годятся в собачьи клички. Гор, Буш – чем не имена? Никсон – это такой породистый кобель. Тэтчер – сука. Маргарет – это сука медальная, победитель собачьих сессий. Блэр, Тони – все годится. Но это только звуки неявных слов. А русский язык – это тайна...

– И он впадает в Каспийское море.

– Не язви. Вопрос: во сколько раз больше дано эфирного времени, газет, журналов врагам России? Раз в сто. Самое малое. Так почему же они ничего не могут добиться? Они ж непрерывно льют злобу и ненависть на Россию. Но слово «Родина» – это слово молитвы, оно неуничтожимо, оно выстрадано. Это как золотой запас для бумажных денег. Нет его, и печатай зелень, сколько влезет. Их слова не обеспечены золотом любви к России. Не будет им веры никогда. Брехать мастаки-и, но народ слушает и чувствует – фальшак! Русскими правят россияне! Сажусь.

– Садись. Года на два наговорил.

На кухне закипал борщ, и запах его перебивал остальные.

– Съешь две тарелки, ещё попросишь, – говорила мне при всех Юля. – Ещё и в щёчку поцелуешь.

– Позвольте договорить! – опять вскочил Ильич. – Мысли с похмелья скачут как бы как зайцы по старому насту, не

оставляя следов. Говоря о преимуществе русского языка, забыл подчеркнуть, что знание языков – самое низкое знание.

– А в сноске заметь, – ехидно уколол Лёва, – что сие откровение ты свистнул из Посланий апостолов.

Я встряхнулся:

– Задаю вопрос. Всем. Как вы думаете спастись от антихриста?

– А он что, уже пришёл?

– Пить не перестанете, быстро придет. И что? И примете печать антихриста?

– Ни за что! – резко воскликнул вроде бы бесчувственный оборонщик. Он крякнул и подсел к столу. – Ни за что!

– А чем будешь питаться?

– Подножным кормом! – заявил недремлющий Аркаша. – Я когда на базе потребсоюза мешки таскал, всяких семян наворовал. Как чувствовал. Собирал на жизнь богатство несправедное.

– Аркадий, вы неправильно употребили евангельский текст.

Это Аркашу поправил Алеша. Он, оказывается, сидел тихо и незаметно, но всех видел и всё слышал. Ел ли он что, пил ли, не знаю.

Музыкант Георгий, ударяя пальцами по краю стола, как по клавишам рояля, воссоздал какую-то мелодию:

– Я от Пятой Чайковского рыдаю. А «Итальянское каприччо», первая часть? Рыдаю! Пятая Бетховена! Мусорг-

ский! Шуберт! Похороните меня под музыку. Музыка делает сердце готовым к восприятию Бога! Оттого-то сатана и кормит рокеров, они превращают отроков и отроковиц в тинейджеров и фанатов. – Он запел: – А-а-а-а-а. Такие верха брал, в ультразвук уходил. А какая главная музыка? Тишина. Язык будущего века – молчание. Помолчим?

Но оборонщик тут же вмешался в паузу:

– Молчать? Домолчимся! Нет, иди и говори! Все же скажутся! Германия что, забыла флаг над Рейхстагом? Даже и Грузия тоже уже. Ну это-то. А украинский Змеющенко в НАТО скрёбся. А Япония-мать? Даже и Монголия. Им Чингисхан отдал земли, куда ступит копыто монгольского коня. А оно ступило до Венгрии. И мы держали их сожжением Рязани, подвигом Евпатия Коловрата, гибелью Киева и Владимира. А что, Франция нам спасибо говорит за позор их национального гения? Наполеона-то. А и Польша. Этот Наполеон притиснул какую-то Марысю, что ли, под каким-то деревом, так и дерево стало священным. Их полковники Сапега да Лисовский схлопотали по морде у Троице-Сергиевой лавры, обидно же ляхам. Откуда нам ждать благодарности? От какой Европы? Все нас ненавидят. Сто раз битая нами Европа изображает из себя, что передовая. Передовая – педерастов венчают.

Вдруг, опять же вроде спавший, поэт сел, поправил очки и прочёл:

– Эстония – такая крошка, любого-каждого спроси, она

теперь как злая блошка на теле матушки-Руси. – И опять откинулся. И опять сел: – А вот хоть верьте, хоть не верьте, но все мы едем прямо к смерти. – И заснул сидя, и повалился, сразу начиная храпеть.

– Ну-к что ж, в тему, – одобрил оборонщик. – Что, Лёва, не согласен?

– Ты ещё менталитет вспомни да евреев ругать начни, – ехидно ответил Лёва, единственный из всех в галстук поверх свитера.

– А что, Лёва, снова нельзя? – Это вступил Вася. – А я уже такую фразу сочинил, самому нравится: представить русскую культуру без еврея – всё равно что женщину без сумочки.

– Почему русскую? Российскую! – поправил оборонщик. – Если русская с евреем, какая же она русская? Тогда уж: представить голубой экран без еврея – всё равно что каторжника без ядра на ноге. А, Лёва?

– Тяжеловато. Думаешь: кто ядро, кто каторжник? Нет, про сумочку лучше. Изящно и необидно. Вообще лично я целиком за евреев. Только не понимаю, почему обижаются, когда я говорил, например, что Шагал, Марк, естественно, еврейский художник. Ты что – крику! Он величайший и французский, и всякий! Если бы я был евреем, я бы Шагала не отдал никому.

– К этой мысли ты сам пришагал? – спросил с пола хотя и храпящий, но недремлющий поэт.

– Может, ты, Лёва, и есть еврей? – спросил оборонщик.

– А это принципиально?

– Да. Евреи жить умеют, у них самозащита поставлена только так! Русскому ногу оторвёт – лежит и молчит, а еврею на ногу наступят – такой визг подымет.

– А я-таки не хочу, чтоб мне ногу отрывало, и таки да, да, не хочу, чтоб мне на ноги наступали. – Лёва обиженно стал вертеть в руках вилку.

И вновь на краткое время проснулся поэт в очках. Что-то, видимо, внутри него, может быть, даже помимо его сознания, соображало и сочиняло и периодически выдавало на-гора.

Пропили, прокурили, прожрали всё и вся,
Но чтоб отдать Курилы? Вот накось, выкуся.

И привычно храпанул.

– Кем угодно можно быть. – Это уже я решил отметить-ся в разговоре. – Но только христианином. Христианином. Еврей, который крестится в христианство, исполняет израильский закон. Перечти пророка Исаяю, евангелиста Ветхого Завета.

Я достал из внутреннего кармана пиджака и листал Новый Завет.

– Хоть вы и умные, напомню. Считаете меня учителем?

– Да! – грянули голоса из хора. – Ещё бы! Любо! Быть по

сему!

– А мой учитель вот кто. Читаю: «обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению – фарисей». Послание к Филиппийцам, глава третья, стих пятый. Это апостол Павел, мой учитель. Но чтобы, Лёва, забыть, как уже в моё время они издевались над Россией...

– Как?

– На свинье написали слово «Россия» и свинью на телеэкран выпустили. Мало? В задницу корове предлагали глядеть и называли это «Заглянем вглубь матушке-России», это тоже демонстрировалось. И этого мало? А галерея Гельмана, центр Сахарова? Такое не заживает. Оскорбление России – это оскорбление Христа! Вот тоже – фильм «Покаяние». Покойника выкапывают, торты сделаны в виде православной церкви. Пожирают.

Аркаша назойливо зудел на ухо, что Юля по-прежнему молода и красива, что надо идти к ней на кухню, кушать борщ.

– Пусть на всех тащит.

– Именно тебя хочет угостить.

Выскочила и Юля, успевшая стать брюнеткой, одетая в цыганистое красно-чёрное, с поварёшкой в руках. Загудели комплименты, но Юля молвила:

– Отстаньте все! Я преодолею порывы инстинктов доводами рассудка. Справлюсь с ними голосом разума.

И взмахнув поварёшкой и взметнув в повороте просторной юбкой, исчезла.

Те же и Генат

Тут случилось появление нового героя, то есть не нового, вчерашнего молодого парня, но с лицом, обновлённым царапинами и синяками.

– Генату осталось? – спросил он. – Видали? Все видали? – Он весело тыкал пальцем в своё лицо. – Я парень резкий, поняли все? И снится мне, на фиг, не рокот космодрома. Вчера иду от вас, встретил Тайсона и Мохаммеда Али. Заговорили. Меня не поняли. Говорю: что ж я, за своё село не могу выйти, я что, в зоне? Отвечали по-своему. Трясли как грушу. Но я ж не плодовое дерево. Уже за своё село и не выйди. Отметелили. Вопрос: раньше били лежачих? – Генат осушил чей-то стакан.

– Лежачих не били, – ответил я, – но и чужие порции не заглывали.

– Это я стресс сбросил, – оправдался Генат и толкнул спящего соседа: – Слушай, Ахрипов. Я тебя из-за фамилии запомнил. Давно пьёшь? Чтобы так, по-серьёзному?

– Начал только здесь, – отвечал тот. – Не вынес издевательства.

– Ну-у, – протянул Генат. – Я со школы полощу. Я так заметил: кто впился, тот и живёт. А кто то бросит, то начнёт,

перестаёт соображать: он как следует и не балдеет, и толком не протрезвляется.

– Пьянство, – отвечал Ахрипов, – это не потеря времени, а его преодоление. Прошу выключить записывающую аппаратуру. Буду говорить, стоя на одной ноге, то есть коротко. Наполеон проводил советы в стоячем виде.

– Тогда сам вставай. Наполеон.

– Но неужели нельзя понять, – возмутился Ахрипов, – встать не могу. Я лежу на берегу, не могу поднять ногу. – Не ногу, а нóгу! – Все равно не мóгу. Но спину выпрямлю. – Он откинулся на заскрипевшую спинку стула. – Говорить можно при любом положении тела в пространстве. Два афоризма: косноязычие не мешает мысли. И второй: вечность и Россия – близнецы. Время – составная часть вечности. Россия властна над временем, тогда как остальной мир растворяется во времени до нуля. А Россия вписана в вечность, как радиус в окружность. Это для России данное. – И социолог Ахрипов снова уснул.

– А я думал: любовь – это приколы всякие, то-сё, хохмочки, а когда сам въехал – тут вообще! Море эмоций! – Это снова выступил Генат. – Говорю ей: меня же клинит вообще, глюки всякие начались, как это? Не спал, цветы воровал, роман!

– Гена! – Оборонщик стал допрашивать Гената. – Ты работал хоть один день в жизни? Ты заработал хоть на кусок хлеба? На ржаную корку?

– Спасибо за хороший вопрос, – насмешливо отвечал Генат. – Да, работал. лягушачьи консервы для Франции.

– Вот именно, что Франции. Либерте, эгалите, фратерните! – воскликнул лысый Ильич. – Бастилию, мать их за ногу, взяли, уголовников выпустили. Дали миру лозунги – жрите лягушек. Эти их либерте были началом конца.

Генат возмутился:

– Будете слушать? Делал консервы полдня, весь переблевался и больше работы не искал. Меня держат: у тебя перспективы карьерного роста, с год лягушек попрессуешь, потом перейдёшь на жаб. Они же ж, французы, и жаб обсасывают. Нет, бомжатская шамовка и то лучше.

– А на что тогда пьянствовал? – сурово спросил оборонщик.

Генат возмутился ещё сильнее:

– Зачем же я тогда тогда женился, а? Я не как вы, умники, фигнёй не занимался. Я не на ком-то женился, а на чём-то. Разница? Подстерёг на жизненном вираже и – хоп! Она: «Тихо, кудри сломаешь». Я ненавижу рестораны, сказал ей, вывернув карманы. Тёща – змея исключительная. Стиральная машина у неё была первых моделей, раньше на цветметалле не сэкономили. Культурно отвинтил чего потяжелей и – в приемный пункт. Беру пару, на фиг, бутылей. Ей же, кстати, и налил. Выпила – орать. А я её звал, и прозвище прижилось, звал: тёща Би-би-си. Идёт по улице, всем говорит, где что, где кто что. Кто сошёлся, кто развёлся, кто от кого

ушёл, кто к кому пришёл. Так и звали: тёща Би-би-си или брехаловка, а это, вам ли не знать, одно и то же. Дедуля, – ласково обратился он ко мне, – позволь приложиться к графинчику. Не к стаканчику.

– Гена, не вульгаризируй общение, – заметил лысый Ильич.

– А ты по-русски можешь?

– Уже не может, – заметил Лёва, – годы русского языка закончились.

– Обидно вам, – ехидно сказал Генат. – Учёные! И учёных из рая попёрли. А то и не пили, и пить со мной не хотели, вот жизнь вас и проучила. На пузырьрёк подсели. – Генат вдруг задвигал ноздрями, услышал запахи, доносящиеся с кухни.

– Пойду на зов сердца и желудка, – сказал он.

И скрылся за занавеской.

Поэт вдруг запел на мотив «Страданий»:

– Янки по́ миру ступа-ают, ну а гордость их тупа-а-я.

Монолог Ильича

В центр внимания вышел Ильич, выбросил вперёд, по-ленински руку:

– Может быть, коллеги, кто-то верит избитой пошлости про путь к сердцу мужчины, – жест в сторону кухни, – но путь к России, – жест к своему сердцу, – лежит через душу. Вот эту мысль надо иллюминировать. Зачем я здесь? Затем,

что писал речи для первых лиц. Перед вами спичрайтер, который всех переспичит. Но оказались первые лица бессмысленными галатами. Не вняли. Теперь мы понимаем, им наши труды, над чем мы горбатились, в папочку «К докладу» не клали. У бессмысленных галатов о-ч-чень осмысленные шептуны при каждом ухе. Я сказал и не был услышан: нельзя талмудычить только о благосостоянии. Возрождение России свершается за год без единого затратного рубля. Первое лицо государства должно посыпать голову пеплом и сказать в послании: «Год молиться – воспрянет страна, только надо молиться без роздыха». Предложение забодали. Там же все с рогами. Друзья мои. – Ильич перешёл на задушевные ноты. – Друзья мои, если бы с экранов телевизора, кино, из газет и журналов приказом правительства исчезли похабщина, разврат, сцены постели и мордобоя, если бы всё это свалить в болото перестройки и закатать в асфальт, тогда б мы жили и дольше, и счастливее. Пока же демократы целенаправленно вгоняют нас в гроб пропагандой адской жизни и картинами гибели России.

– Штампами говоришь, – сердито заметил оборонщик. – Всё проще – в гроб вгоняют, чтоб на пенсиях экономить. Раньше у тебя выступления были лучше.

– Да и раньше меня не слушали. Хоть сейчас дай договорить. Самое мерзкое из того, что пришло в Россию – то, что молодёжь ищет не призвания, а выгоды. Девушка ждёт не любви, а богатого мужа. Что вы всё меня окорачиваете?

– Да ты что, да разве мы можем, и кого? Тебя? Обидеть? – загудел оборонщик. – Ильичушка, родной! Я же вот как помню твои доклады: «Когда появляется Конституция, государство гибнет» и второй: «Когда появляется парламент, народ становится бесправным». Они у тебя сохранились?

– Да если не сохранились, я заново напишу. У меня ещё в работе синтез Феофана Затворника, Данилевского, Ильина и Леонтьева. А также глупость цели – стать конкурентоспособными.

– Позвольте поднять личный экономический вопрос, – вступил Лёва. – Обещали золотые горы, и – ни копейки. Вы разберитесь.

– То есть вас купили и вывезли? – Я что-то начинал сообщать.

– Я не за деньгами ехал, за идею! – заявил оборонщик.

Наконец-то, впервые за дни и часы рифмования и лежания на полу, поэт встал и пошёл просвежиться. По дороге к порогу впервые заговорил прозой и впервые прочёл не свои строчки:

– Народ обманывать можно, обмануть нельзя. Как ни пыжятся либералы с оттепелью, как был Никитка палач и дурень, так и останется. И стихов: «Товарищ Брежнев, дорогой, позволь обнять тебя рукой» – ему не дожидаться. – И вышел и захлопнул за собой дверь.

Людмила и остальные

Но недолго дверь была без работы, она медленно открылась, и так же медленно в дверном проеме появился кирзовый сапог большого размера. Но когда он вдвинулся в избу полностью, оказалось, что сапог надет на женскую ногу. Вскоре хозяйка ноги вдвинулась полностью.

– Не ждали, но надеялись, так?

Это снова была Людмила, которая вчера вино вкушала, курила на крыльце, а потом исчезла. Как и вчера, села рядом.

– Не захотел со мной Буратино делать? Умный. Я б тебя всё равно бросила.

– То есть не любить тебя невозможно?

– А как же. Ты вот спроси, а лучше не спрашивай, с чего я пошла в жизнь безотрадную? С чего запела: «Не говорите мне о нем, ещё бывшее не забыто»?

– С чего?

– А, спросил. С чего же бабе погибать, как не с любви проклятой? Мужики отчего пьют? За компанию или с горя. А бабы? От отсутствия любви. Он бросил меня, брошенка я. И ты туда же, спрашиваешь, зачем пью. Чего не наливаешь? – Я налил в чашку, она её опрокинула, посидела секунду, потом встряхнулась. – Ах, как хочу мстить! Вот паразит уже у ног ползает, вот! И тут его о-тто-пнуть!

Людмила показала, как отопнёт: мотнула ногой так, что

сапог слетел с неё, два раза по-цирковому перевернулся в воздухе, и по-гвардейски встал на полную подошву. Людмила полюбовалась своей обнаженной красивой ногой, покивала ступней и вновь заключила ногу в кем-то поданный, обретавший временную свободу, сапог.

Обувшись, помолчала.

– К чему это я воспарила? Был же и рояль раскрыт, и струны в нём. И стояли тёмных берёз аллеи. «Отвори потихоньку калитку». А утром: «Отвали потихоньку в калитку!» Юморно, а? «Онегин, я с кровать не встану». Я тогда моложе, я лучше качеством была. А потом, что потом? Стала объектом и субъектом опытов как организм женщины. Усыпляют, так? Просыпаешься, да? Оказывается, ждешь ребёнков. Интересно? – Тут она взяла паузу. – Вот такусенькая жизнь подопытной Евы! – Людмила, будто заверяя сказанное, хлопнула ладошкой по столу.

Этот звук вновь воскресил к жизни социолога Ахрипова. Он тоже врезал по столешнице, но не ладошкой, а кулаком и крикнул:

– Что есть альфа и омега? А? Совесть! Её нет в бюджете, но ею всё держится. Есть в государстве совесть – оно спасено. Нет? Тогда не о чем разговаривать. Есть совесть – и нет воровства. Есть совесть – и нет сиротства. Есть совесть – и нет нищеты. Есть совесть – и нет сволочей в правительстве. Есть совесть – и нет вранья во всех СМИ. Но пока по присутствию совести у демократов везде по нулям.

– Нищета, – возразил кто-то, – полезна. Почему богатые боятся бедных? Бедность избавляет от страха.

Тут вернулся с улицы поэт, постоял в середине горницы, покачался, будто заканчивая умственную работу, и выдал:

– Ну что же, страны Балтии, ну что же вам сказать? Сидели вы под немцами и хотите опять?

Шум вдруг раздался с кухни и возмущённый вскрик Юли. Она выскочила взъерошенная. Поправляя туалет, ни с того ни с сего закричала на меня:

– Скажи ему: Юлия сумеет распорядиться своей внешностью без его участия.

С кухни боком-боком просквозил к двери на улицу и скрылся за ней Генат.

– Он её давно окучивает, – объяснил Аркаша. – Только разве она тебе изменит?

– О присутствующих, – заметил я назидательно, – в третьем лице не говорят.

– Учись! – заметила Юля и щелкнула Аркашу по лбу. А вновь обратясь ко мне, сообщила: – Карамзин сказал: «И крестьянки любить умеют».

– А тебе кто сказал?

– Сестра! Умная до ужаса, прямо как дура. Мужики, говорит, это цитаты. И надо бить их их же оружием. И в меня прессовала тексты. Я, конечно, мелкая, но не в укате пока. Дай, думаю, заучу в запас. Стремимся к прогрессу, приходим к стрессу. А этот (*жест в сторону двери*), наскрёб хох-

мочек с «Тринадцати стульев» и считает, на фиг, что умный. Это уж глупость, да? А другая сестра...

– У тебя не одна сестра?

– Начальник! – подшагал строевым шагом оборонщик. – Меня делегировали! – Паки и паки спаси, погибаем! Ветер нынче дует в спину, не пора ли к магазину? Не раскинуть ли умом, не послать ли за вином? А? Отрядить бы нам гонца да за ящичком винца!

Продолжение следует

То есть горючка вновь кончилась. Надежда была только на меня. Отказавшись от конвоиров, пошёл один. На улице легко дышалось. Но не легко думалось. Получается, попал я в какой-то выездной дом учёных. Симпозиум, что ли, у них какой был? Обокрали, говорят. Но что мне до них? Уедут, я останусь. А то уж очень странная у меня началась жизнь. Но кого они так серьезно поминали?

Продавщица смотрела на меня двояко. Доход я ей приносил, но мои застольные гвардейцы отличились. Она уже знала, что в моём доме появились не мои дрова, лопата, вёдра.

– Это, конечно, не сами они, Генат.

– Всё верну, – отвечал я и взмолился: – Кто они, откуда?

– Говорят: мозговая коммуна нового типа. Вредное производство, выдайте за вредность молочка от бешеного бычка. Приходят и хором, как на митинге: «Мы пьём и сидя,

пьем и стоя, а потому пьем без простоя». Были же нормальные. Что-то у них сбилось. А вы сами с ними участвуете, чем кончится? Ещё быстрее загонят.

– В гроб?

– А вы думаете, куда?

Когда расплачивался, заметил, что крупных бумажек среди других поубавилось. Естественно – вчера же было: чеши-маши на все гроши, размахал. Домой сразу не пошёл, ходил по пустынной улице. Пару раз сильно растёр снегом лицо, охладил и голову, и затылок. Может, уехать? А то какой-то сюрреализм.

Коммунары курили и хлестали откуда-то взявшуюся самогонку.

– Пьем в ритме нон-стоп.

– Я чувствовать не перестал, – цитировал из себя поэт, – воспрянуть желаю я снова. Когда откриссталлит «Кристалл», является жидкость Смирнова.

– А самогону махнёшь? – спрашивали меня.

– Воздержусь.

– Смотрите, – обратил внимание Ильич, – держусь и воздержусь – это разное. Не пить – одно, а не хотеть пить – это вершина силы воли. Смотри: благодётель и благодатель. Это не одно. А прЕзирать или прИЗирать? «Призри на нас и не презри». Да, по грехам нашим побеждаемыми ничим же, кроме как опивством без меры и объядением без сытости, дымоглотством окаянным, терпим посему зело недостатчу смысла.

– Закрой хлеборезку, – велел ему Аркаша.

Я жестко посмотрел на Аркашу. Он понял, приложил руку к непокрытой голове, мол, извиняюсь.

– Про хлеборезку – это жаргон, – объяснил Ильич. – Устами Аркадия глаголет жаргонная современность. Жаргоны ворвались в язык как морские пираты. Но это для языка не страшно. Ибо вернется понимание, что не материя, а Дух и Слово первичны. Но – Слово, а не брехучесть разного эха. Трещит демагог, но ему веры нет. Русский язык – язык богослужебный...

– Ну, замолол, ну, замолол, – и тут не стерпел проворчать Аркаша.

– У детей новых русских нет будущего, – заговорил вновь социолог Ахрипов. – Они искалечены избытком игр, напуганы охраной. Пока малы, закомплексованы. Вырастая, становятся агрессивны. Он проиграют, промотают наворованное отцами. Так сказать, Мари полюбит Хуана. Мари – Хуана, а?

Поэт, к этому времени опять лежащий на полу, опять сел. Интересно, что о нём как-то все забывали, пока он не выступал.

– Гитару дайте, – спросил он, – нет? Ладно, акапелла:

Ты пой, запевай не с нахрапа,
И вытри с мордулии грим.
Болтают, что в Риме есть папа
И папина длинная лапа,

Так нам сообщил пилигрим.
Он тянет ту лапу к нам сдуру,
Наживой и властью томим.
Не знаешь ты нашу натуру:
В Россию не вдвинешь тонзуру,
Так нам подтвердил пилигрим...

– Еще полежу. – Поэт поправил очки и откинулся на своё жесткое ложе у стены.

– Интересное соединение жаргона и высокого стиля, – откомментировал Ильич.

Коммунары объявили, что ждут моих указаний. Что это посоветовал им их лежачий мыслитель.

– Что это за лежачий мыслитель?

– Я познакомлю, – заявил Аркаша. – Сидеть тихо тут.

Мы вышли на улицу. Аркаша стал объяснять про мыслителя:

– Он вообще никуда не ходит, всё лежит. И не больной. Но я его не понимаю, как это – сократить время и притянуть будущее? Как? Спроси его, может, ты поймешь. У него, знаешь, Алёшка иногда и ночует.

Дорогу к мыслителю Аркаша озвучивал чтением своих стихов:

Товарищ, не в силах я поле пахать, —
Сказал тракторист бригадиру, —
Привык я с девчонкой подолгу стоять,

И в ход не пустить мне машину.
Все шестерни рвутся, подшипник гремит,
И будто сцепленье сорвало.
Ни первой, ни третьей сейчас не включить,
И в баке горючего мало.
Вскочил тракторист, на сцепленье нажал,
Машина на третьей рванула.
На землю сырую он резко упал,
Упал, сердце больше не билось.

Лежачий мыслитель

Вошли в старый дом, в котором было довольно прохладно, но хотя бы не накурено. В красном углу, перед иконой, горела толстая свеча. На диване, обтянутом засаленным, когда-то серым сукном возлежал здоровенный мужичина. Полтора-, двух- и даже трехлитровые бутылки из-под пива говорили о причине его размеров. Он даже не приподнялся, показал рукой на стулья.

– Зетцен зи плюх. Или ситдаун плюх. Ты какой язычный?

– Я не язычник. – Я притворился, что не расслышал. Меня слегка обидел такой прием. Но за двое суток я привык к здешним странностям и решил тоже не церемониться. Мне Аркадий сказал, что ты Иван Иванович. – Он даже не моргнул, допивал здоровенную бутылку. Ладно. – И до чего же, Иван Иванович, ты решил долежаться?

– До коммунизма! – хихикнул Аркаша.

– Чья бы корова, Аркаша, мычала, твоя бы молчала. – Так мыслитель вразумил Аркашу за давешнюю хлеборезку. Поворочавшись, мыслитель сообщил: – До коммунизма это я раньше лежал, ещё до открытия закона.

– Какого?

– О времени. Заметь: ты летишь в самолёте – одно время, едешь в поезде – другое, бежишь – третье. Когда переходишь на шаг – четвертое, так? Остановился – опять иное время. Можно и постоять. Присел – совсем красота. Ну а уж если лёг, да вытянулся, да ещё и уснул, тут вообще вечность над тобой просвистывает. Вопрос-загадка: когда время идёт быстрее? В двух случаях – в скорости и в неподвижности. Но скорость – это суета. Но есть же покой, я и задумал уйти в обитель дальнюю.

– В монастырь?

– Сюда! Не сам приполз, а привезли. Но залёг сам. Лежу – время ощущаю как шум колес. Все люди – колёса. Катятся по жизни. Но колёса в основном малого размера. Надо быть большим колесом, значительным. Пока оно один раз повернётся, маленьким надо крутиться раз двадцать. А дорога пройдена одна и та же. А я вообще не кручусь, только повёртываюсь.

Иван Иванович и в самом деле повернулся на бок, достал с пола очередную бутылку и к ней прильнул. На половине отдохнул, поотрыгался и опять возлёг.

– Теперь о деле. Арканзас, унеси свои уши в коридор. А лучше озаботься моим организмом. У меня ночь впереди.

Аркаша поглядел на меня. Я понял и выдал некую сумму. Аркаша хлопнул в ладоши и ушёл. Иван Иванович сделал богатырский заглот желтой жидкости. Отдышался.

Он меня воспитывает

– Ты с ними для начала дал промашку. Хочешь выпить, пей без них. Нужна дистанция. Но специалисты они отменные. Я после них обобщал и ему. Потом тебе от него записку передам.

– То есть от того, который умер?

– Ну да. Тебя ж ему на замену привезли.

– Иван, ты меня за дурака принимаешь? А ещё за кого?

– Мою приставку к имени не присваивай. Иван не ты, я. Иоанн, который слезает с печки и после сражения со Змей-Горынычем становится царём. Или вариант: возвращается к своей сохе, в моём варианте – к дивану. Так что Иван-дурак – это я. Ты же – руководитель разработок рекомендаций. Или что новое поручили? Ну, не делись, понимаю. – Иван Иванович пошевелился. – Этих штукарей, которые у тебя, пора встряхнуть. Их дело было – восславить пути, на которые свернули Россию, и убедить простонародье, что демократия – это верный, товарищи-дамы-господа, путь. Они исследовали, но не угодили. Вообще подвергли сомнениям систему де-

мократии. И боюсь, что приговорены. Их надо попробовать спасти. Реанимировать, проветрить и сажать за разработку путей движения, по которым (*он нажал*) надо ходить. Может, и заказчики начнут что-то соображать. Ты же понимаешь, что все эти саммитские уверения в многополярности и многовекторности мира, – это сказки для идиотов. Займёмся конкретикой. Я – твоя правая рука. Я не Толстой, по двенадцать раз не переписываю, с полпинка понимаю.

– Иван Иванович, у меня ощущение, что я в театре абсурда, – сказал я.

Он ещё раз пошевелился.

– Так ведь и в театре можно всерьёз умереть.

Я решил: все они тут сдвинутые, лучше мне быть подальше от них. А этот лежачий мыслитель ещё, вроде в шутку, угрожает. Я объявил, что пойду займусь конкретикой, соберусь в обратный путь.

– Не торопись, – остановил он меня. – Присядь. У нас не только ночь, но и вечность в запасе. Обломов одного Штольца перележал, а я не меньше, чем пятерых.

– Но ведь Штолец пережил Обломова.

– Так это ж в книжке. А в жизни? Меня они не переселят.

– И как ты свой закон о времени открыл? – Я в самом деле уселся на табуретку.

– В непогоду, в аэропорту, я докатился до разгадывания кроссвордов и понял: ниже падать некуда. Согласен? Трагичность разгадкой вопроса: какое женское имя имеет река,

текущая по Сибири, – значит, делаться идиотом. Аэропорт. За стёклами садятся и взлетают самолёты. Глянешь в другую сторону – платформа, подходят поезда, в третью – на площади автобусы и такси. Плюс общее движение людей и чемоданов. А пока гляжу на все эти движения, движется и время. Так? Я встал, походил, посидел и открыл.

– Послушай, – спросил я. – Вопрос попроще. Где они берут деньги на пьянку? Ну ладно, я приехал, попоил два дня, а как без меня?

– Ну-у, – протянул Иван Иванович, – мало ли. Вначале-то их поили. Аркашка самогон таскал. А как впились, то и сами стали соображать. А на что новые русские и банкиры жиреют, бизнесмены пузырятся? Это всё происходит за счет расходования остатков социализма. Их до коммунизма не пропить. Одного железа на колонну танков, только не ленись таскать. Проводов, меди всякой, алюминия. Да тут пить и пить. Твоя задача – иностранцев не подпустить, от концессий отбиться, инвестиции отвергнуть, ВТО и МВФ кукиш показать. И избавиться от страха, что транснациональные компании всесильны. Это о них говорил ихний Маркс: ради прибыли мать родную голой по миру пустят. А нам прибыли не надо, нам радость нужна. Большое счастье жить в стране России, но выше счастье – созидать её.

Говоря всё это, Иван Иванович нагнулся, поставил на пол широкую кружку, потом тонкой струйкой сверху, не промазываясь, с заметным удовольствием стал лить в неё пиво,

вспенивая над кружкой белый сугроб, потом, опять же не спеша, вознес кружку на стол и, опять подождав, стал из неё отглатывать. После каждого глотка прислушивался к себе. Каждый раз оставался доволен:

– Река времени течет по миру. И плывут в ней народы и государства. А мы на берегу. Куда спешить?

– Ты давно здесь лежишь?

– Обычного времени, то года три, а Божеского, может, и секунды не пролежал. Ты мне вот что разверни в виде тезисов. Что такое демократия для России?

– Это свиное рыло, которое залезло в русский огород, жрёт в нем и гадит на него. Ещё развернуть?

– Сделай одолжение.

– Это троянский конь, введённый в Россию.

– А что в нём?

– Ненависть к русским.

– Ладноть, – одобрительно выразился Иван Иваныч. – Проверку ты считай, что прошел. Тобе пакет. – Он достал из-под изголовья листок бумаги. – Прочти сейчас при мне, а я огонёк излажу. Где тут у меня свечки?

В записке, написанной от руки, значилось:

«Итог один – хозяева от нас ждали не тех выводов, которые я представил. Они недовольны (не тех набрал), уверен – дни мои сочтены, меня отсюда не выпустят. Все наши выводы по всем направлениям едины в главном: без Бога всё обречено, без Него – гибель. Желудок и голова не заменят

сердце, наука не спасёт душу. А что они хотели? Без Бога пробовали жить обезьяны, большевики, коммунисты, про-
буют демократы, всё будет без толку...»

– Запись не кончена и не очень понятна, – сказал я.

– Дай сюда. – Иван Иванович взял записку и сжег её на пла-
мени свечи. – Чего тебе в ней непонятного? Мы, русские, с
одной стороны, плывем со всеми по течению и одновремен-
но против течения.

Он качнулся туловищем ко мне, как бы готовясь говорить,
но вернулся Аркаша. При нём Иван Иванович сменил темы
общения. Мы поговорили о погоде (что-то стала часто ме-
няться, да и что от неё ждать, если люди все извертелись – в
погоде, что в народе, что теперешнее глобальное потепление
не только от выбросов заводов и фабрик, но и от всякой
похабщины в телеящике), о ценах на мировую нефть, о Ша-
ляпине (обидно, что частушки не любил, они были народ-
ной гласностью, не понял этого Феодор Иоаннович, вятский
уроженец), ещё о том поалалякали, что выражение «прошёл
огонь и воду и медные трубы» не имеет отношения к людям,
а только к изготовлению самогона, тут сильно оживился Ар-
каша, ещё о чем-то, и встреча закончилась.

Уходим

На улице я начал вести дознание:

– Итак, ты местный. Местный – значит, был тут раньше

этого высокого собрания.

– Именно так! – восторженно крикнул Аркаша. – Высокого. Когда они появились, я подходить боялся.

– А кого они поминали?

Аркаша остановился.

– Вот которого похоронили, он их возглавлял. Они выработывали какую-то программу по всем статьям. Они мозгачи, башки огромные. Что этого вояку взять или этого Ильича лысого. Тот же Ахрипов. Они единицы с ба-альши-ми нулями.

– Ты сообразил их спойть.

– Не спаивал, а утешал. Они не сопротивлялись. А тоже, ты и сам представь – работа не идёт, с довольствия сняли. Тут начнёшь керосинить. Первый раз они засадили на кладбище, когда твоего предшественника закапывали. Страдали, что без отпевания. Хотя Алёшка чего-то по своим книжкам читал. Я шёл мимо с пятилитровкой.

– То есть подскочил, как Тимур и его команда, и втравил в пьянку. Аркаш, ты самый настоящий бес.

– Так получается, – согласился он.

– И ещё хочешь у меня жить.

– Не в тебе же. – И пообещал: – Я пить буду, а курить не брошу. Курить вредно, а умирать здоровым обидно. Смешно?

– Изыди! – вспомнил я заклинание.

– Как пионер, всегда готов. Но куда?

Белые снега около дома походили на полотно художника, которое раскрашивали во время санитарных выскакиваний цветными пятнами, от жёлтого до красно-коричневого.

– Не хочется мне в дом, – вздохнул я. – А ночевать надо. Утром уеду.

– Ты что, не вздумай. Мы только с тобой воспрянули. Они пить перестанут. Отучим. А с тобой потихоньку будем для ради здоровья. Я им! Как приучил, так и отучу. Хоть они и профессора всякие, а я верх держу.

– У тебя баня есть?

– Всё будет! Я тут решил, что у тебя жить буду. Пусть и Юля. Хозяйка же нужна. А им вели отчитаться за прошлое. Они мно-о-о-го намолотили. Каждый по своей программе. Когда после его смерти они загудели, я часа два бумаги на чердак таскал, чуть не надорвался.

Опять в доме

В дом я всё-таки вошел. И жизнерадостно сказал этим программистам:

– Волоките ваши свершения, начну проверять.

– Так сразу? – испуганно закричали они.

Из кухни возникла румяная кудрявая Юля, сказала, что, как ни сопротивлялась, эти сожрали весь борщ и теперь их, сытых, не напоить. От Юли явно пахло сигаретным дымом.

– Хороша Юленька? Всё сама стараюсь, беззатратная. Я

для тебя выгодная. Экономический класс. Из репертуара сестрички: «Аля, ку-ку, лови момент, пока доступен абонент. Ты хочешь допинг? Скорей на шопинг». – И опять исчезла.

Подскочил Вася и подобострастно сообщил:

– Погода на месяц вперед определяется на четвертый-пятый день новолуния. Но это-то все знают. Как вы думаете?

– Нет, я не знал.

– Не может быть! – Он расцвел от счастья, взревел: – Гаудеамус и-ги-тур...

– Не эту! – перебил композитор и завёл свою: – «За честь Отчизны я жизнь отдам, не дам в России гулять врагам! За честь Отчизны я постою. В ученье трудно, легко в бою!» Маршируйте! – Помолчал и сообщил: – Мы спились, но не спелись, и ещё не спелись.

– Эх! – крикнул оборонщик. – Святым бы кулаком, да по харе бы по поганой!

– Рано, рано! – закричали ему.

– Ох, пора бы! – прорезался социолог Ахрипов. – Разве не факт, что министр культуры, не разрушающий культуру, демократам неугоден. Даёт деньги театрам, славящим педерастов. И как это назвать?

Людмила поднялась из-за стола, приняла ораторскую позу:

– Русский язык не отдам никому, русский язык прекрасен! Я русский выучу только за то, что на нём разговаривал

глухонемой Герасим! А вот моё, подпевайте: «Мы лежим с тобой в маленьком гробике».

Но подпеть не получилось, слов не знали. Поэт, неизвестно, встававший ли, евший ли, пивший ли, сообщил:

Жена грозит разводом, опять напился зять,
Ну как с таким народом Россию подымать?

И вновь улёгся.

Я посмотрел на публику, на разорённый стол, махнул рукой и вышел. И на крыльце опять попал на Алешу, снова навзрыд плачущего.

– Ты что?

– Я не могу им показывать слёзы. Я плачу, я паки и паки вижу мир. – Он повёл мокрой рукой перед собою. – Я вижу мир, виноватый пред Богом. Мир данную ему свободу использует для угождения плоти. Не осуждаю, но всех жалею. Только обидно же, стыдно же: старец надеялся, что я пойду в мир и его спасу. Откуда, как? Спасётся малое стадо. В него бы войти.

– Ну ты-то войдешь.

– Разве вы Бог, что так решаете? Нет, надо с ними погибать! Они все были очень хорошими, все говорили о спасении России только с помощью Православия. И верили. А от них другого ждали и их не поддержали. Но не отпустили. Тогда они с горя и сами веру потеряли. Её же надо возгревать.

– Но кто же им не поверил?

– Приёмщики работы.

– Какие приёмщики?

– Не знаю. Но так ощущаю, что злые очень.

– А ты, Алёша, у Иван Иваныча жил?

– Я же не только у него. Но он хотя бы крестится. А то ещё был старец, того вспоминать горько. Всех клянёт и даже не крестится, объясняет, что нехристи крест присвоили, ужас, прости ему, Господи. Я всё надеялся, а зря. То есть я виноват, плохой был за него молитвенник. Да и вообще плохой. Опять грешу, опять! – воскликнул Алёша. – Опять осуждаю. Лучше пойду, пойду! – Он убежал, клонясь как-то на бок.

Накопление экспонатов в музей мысли

Вскоре день, как писали ранее, склонился к ночи, надоело ему смотреть на нашу пьянку. Убавилось ли ночлежников, не считал. Обречённо улегся я на панцирную сетку и просил только не курить. Засыпал под звон сдвигаемых стаканов и возгласы:

– Ну! По единой до бесконечности!

– За плодоношение мозговых извилин!

Ильич добивался признания и его мысли:

– Но есть же, есть душа каждой строки! Неслучайно раньше восклицательный знак назывался удивительным. Запомнили?

– Народ! – кричал Ахрипов. – Я забыл, вот это стихи или песня: «Кругом жида, одни жида, но мы посередине»? Только я забыл, это строевая или застольная?

– Какая разница? Запевай! – велел Георгий. – Петь могут все! У всех же есть диафрагмы. Внимание сюда! Подымаю руку, замираем, носом вдыхаем, наполняем грудь большой порцией воздуха. Ах, накурено! Итак! Взмах руки – начало звука. Звуча, а не ультразвуча! Поём Пятую Чайковского. Ии!

– Обожди, дай произнести тост.

– Говори по-русски! Не тост – здравицу. Учить вас!

– Здравича за мысль. Кто бы нас тут держал, если б у нас мыслей не было.

– Уже не держат. Но за мысль пью! Вы хочете мыслей, их есть у меня! Мы же музей мысли создавали, забыл?

– Да, туда вот эту закинуть, что не Герасим утопил Муму, а Тургенев, а дети думают: Герасим. Тургенев утопил. А вообще – дикий западник.

– Да, западник. Но у него хоть есть что читануть. «Хорь и Калиныч», «Живые мощи». А Достоевский твой что? Прочтёшь – и как пришибленный. «С горстку крови всего». Шинель ещё эта. Её потом на Матрёнином дворе либералы нашли. То-то к топору Раскольникова русофобы липнут. Нет, коллеги, Гончаров их на голову выше. Но не пойму, как не стыдно было в это же время выйти на сцену жизни Толстому с его безбожием? И явился, аллегорически говоря, козлом,

который повёл стада баранов к гибели. А уж потом вопли Горького, сопли Чехова, оккультность Блока. Удивительно ли, что до щепки окаянных дней солнца мёртвых стало совсем близко.

– Тихо, поэт проснулся!

И в самом деле поэт монотонно прочёл:

– И откуда взялась Астана? И откуда вся эта страна? Владеют казахи задаром Уралом-рекой, Павлодаром. Знать, надо к порядку призвать сию незербайскую рать. Еще: И не хохлам с караимом володеть нашим Крымом. Мы считаем его своим, да здравствует русский Крым! Еще: И тут уж пиши не пиши – стреляли в царя латыши. И ты позабыть не смей: командовал ими еврей...

– Спасибо, спи. И предлагаю ещё в экспозицию мысль о мысли.

– Мысль о мысли? Теряешь форму.

– Пиши: страсть состоит из страсти. Так?

– А масло состоит из масла.

– Не сбивай. Но страсть начинается с мысли. То есть? То есть проведи опыт, отдели страсть от мысли.

– Люди! Я удивляюсь, что не могу прорваться со своими мыслями о банкирах. Банкиры – все жулики, иначе они не банкиры, так? И они лезут в чужие карманы. И их ловят за руку. Русский банкир честно признаётся: грешен. Еврей: ни за что, это не моя рука, а сам в это время лезет другой рукой в другие карманы.

– Это и записывать не стоит, тут нет новизны. Если у еврея руки под такое заточены. Лучше записать общее понятие теперешнего устройства России: русские пишут законы, евреи их истолковывают. Это легко на примере музыки. Интерпретируют, как хотят.

– Что вы всё на евреев? – голос Лёвы. – Пожалейте их, они и так несчастны. Походите-ка сорок лет по пустыне. Хорошо русским, в лесах отсиделись.

– Тихо вы – начальника разбудите.

– Да он спит.

– Сейчас проверим. Ты спишь? Э! Начальник!

– Сплю, – отвечал я сердито.

– Видишь – спит. Он же не может врать.

– А если не может врать, значит, во сне говорит? Ну, ребята, чувствую – придётся на него пахать. Если и во сне не спит, вот уж запряжёт так запряжёт.

– Под утро меня посещает идея: пора уже нам припахать иудея.

Под такие и им подобные словоизвержения я засыпал. Засыпал не с чужой, а со своей мыслью: уезжать! Другой мысли не было. Ничего себе, завёл домик среди снегов. Я боялся не заснуть, но и эта ночь, как и предыдущая, с трудом, но всё-таки прошла. Удымилась в пропасть вечности, а вот и новый день, летящий из будущего, выбелил окна, осветил пространство душевной избы и позвал на волю.

Для памяти или для жизни?

Очень приглядно было на улице. Легко и целебно дышалось. Так розоватились румянцем восхода убелённые снегами просторы, так манила к себе туманная стена седого хвойного леса, что подумалось: ладно, успею ещё уехать. Ещё же и красный угол не оборудовал, живу без икон, прямо как таманские контрабандисты. «На стене ни одного образа – дурной знак», как написал о них Лермонтов. Эти же у меня, я так их ощущаю, люди приличные. Хотя становится и с ними тяжело.

Решил обследовать двор дома. Бывшие хлева нашел заполненными навозом. Мелькнуло внутри: весной пригодится. Значит, душу мою уже что-то здесь держало. То есть захотелось и весной тут быть. А где весна, там и посадки, а где лето, там и уход за грядками, а там уж и подполье заполнено, и зимовать можно.

За хлевами был обширный сарай. Замок на дверях легко разомкнулся. Внутри огляделся, снял с окон фанерные щиты, стало светло.

Было в сарае полно всякой всячины, тутти-кванти, в переводе с итальянского. Но никакие итальянцы не смогли бы объяснить назначение и применение хотя бы десятой части здешних вещей. Мне же, потомку крестьян, находки говорили о многом. Были тут и рубанки, и пилы, и топоры с ухва-

тистыми топорщиками. Металл топора звенел, когда я ногтем щелкал по нему. Ах, захотелось срубить хотя бы баньку. Рукоятки инструментов, отглаженные прикосновениями, ухватками хозяев, просились из темницы сарая, звали к работе. Что-то упало сверху. Это напомнила о себе фигурка лошадки. Ею, видно, не успели наиграться.

В углу стояли самодельные лыжи. Взял их, провел ладонью по гладкой скользящей поверхности днища. По бокам днища были проделаны ровные углубления, сделанные рубанком-дорожником. Опять же и слово пришло в память – дорóжить. Дорожить тес для крыши, то есть делать на досках желобки для стока воды. Широкие, прочные лыжи, залюбуешься. С толстыми кожаными петлями. Для валенок. И валенки тут же стояли.

Вынес лыжи во двор, выбил валенки о косяк и вернулся в сарай. Да, тут было всё, чтобы изба и её хозяева были независимы от любой действительности. Конская упряжь, хомуты, дуги, чересседельники, седелки, плуги, а к ним предплужники, бороны – всё было. Слова из крестьянского обихода всплыли со дна и радостно её заполнили. Скородить, лущить, настаивать стог, волокуша, метать вилами – тройчатками, лён трепать, кросна. Тут и ручная льномялка стояла, а у боковой стены ткацкий стан, видно, в исправности, на валу была намотана нитяная основа для тканья половиков. Садись и тки, пристукивай бердом. На стене, на деревянном колышке ждала пряху раскрашенная прялка. Снимай, ставь

на широкую лавку у окна и пряди. В щели стены были воткнуты раскрашенные полосатые веретёна. Сколько они отжужжали как пчёлы. Зажужжат ли ещё?

В сарае вдруг посветлело. Это сквозь грязное, тусклое оконце проник солнечный луч, сделавший оконце золотым. Луч в пространстве сарая серебрился от пыли.

Огляделся. Да, праздных вещей и предметов тут не было. Детская лошадка говорила о труде на пашне и о радости дороги, кукла, завёрнутая в одежду из лоскутков, – о будущем материнстве. Сравнить ли её с нынешней куклой Барби, этой мини-проституточкой, которая требовала покупки все новых нарядов для развлечений: для бала, верховой езды, гольфа, курорта, путешествий с бой-френдом.

В сарае было всё не музейное, всё то, что кормило, и поило, и одевало предков нынешних глотателей химической пищи в американских обжорках. Но до чего же легко оказалось обмануть этих потребителей. Почему же нынешние не зададут себе простой вопрос: если жизнь была у старших такая, какой её показывают демократы, то есть страшной, полной лишений, стукачества, голода и холода, страха, мордобоя, измен, издевательства, то что же тогда дедушки и бабушки вспоминают эту жизнь с радостью, со слезами благодарности? И теперешняя чернуха и мерзость радио, экрана, печати не вызывает ли ещё один вопрос: что ж вы, демократы, всё врёте про наше Отечество?

– Бедно жили, а жизни радовались, друг дружку тянули,

пропАсть никому не давали. На работу с песней, с работы с песней. А праздник придёт – босиком плясали. – Вот ответ моей матери, рабы Божией Варвары, на теперешнее очернительство недавнего прошлого России.

И конечно, воспоминания о матери открыли для взгляда старинный, резной оклад для иконы, помещённый над дверью. Но вот беда – самой иконы не было. Пообещав себе на будущее перенести оклад в красный угол и найти или купить икону для него, я решительно вышел в холодное пространство зимнего дня.

Хватит нам сюжетов о том, как кого-то принимали не за того-то. Объяснюсь с ними, что к их ареопагу я никаким бокком, умничайте без меня. Приходите на чай, буду рад, куплю баранок. Выпили со встречи и для знакомства, спасибо и до свиданья.

Белая дорога

Прекрасен был наступивший день, пришедший всего на один день. Потерять его было бы грустно и невозвратно. Я решил запечатлеть его лыжной вылазкой. И по возможности, немаленькой – ещё и для того, что не будут же эти программисты сидеть у меня и без меня, и без подпитки. А мне пора жить.

Всё мне подошло: и валенки, и лыжи. Палок я не нашёл, а пока искал, понял, что их могло и не быть. Какие палки,

когда руки заняты топором, ружьем, рыбацкими снастями, полезными ношами с реки, лугов, из поля и леса.

Скольжение по снегу было такое, будто лыжи только что смазали. Накат получался размашистый. Вспоминались способы ходов по лыжне: двухшажный, одношажный, попеременный. Свернул с дороги к близкому лесу. Наст держал. И даже как-то весело вскрикивал, будто дожидался именно меня.

На свежем воздухе вспомнил, что в эти два дня, с этой профессурой, и не молился, и спать ложился без молитвы. Стыдно. Но чего я хотел? Из такой избы, пропитой, прокуренной, все ангелы-хранители уйдут. Это же в сарае этим окладом без иконы мне знак был: отходит от меня благодать. «Смотри!» – сказал я себе и перекрестился, и оглянулся перекрестить село.

Оглянулся через левое плечо – Аркаша. Да не на самоделках, как я, не в валенках, а на спортивных лыжах с ботинками.

– Не гони! – сразу закричал он. – Подожди Сусанина. «Сверкнули мечи над его головой. „Да что вы, ребята, я сам здесь впервой“».

Да, нашел я нагрузочку. Аркаша тараторил, что сегодня квартиранты дом покинут, Юля все приберёт, к ночи останемся втроём.

– К ночи я останусь один.

– Как скажешь, как повелишь, – торопливо соглашался

Аркаша. – Я тогда на крыльце перележу, я привычный.

Вдруг он отпрянул назад, будто кто толкнул его в грудь, как на что напоролся. Я проехал по инерции метра три и остановился. Аркаша, будто муха в паутине, бился с чем-то неизвестным. Лицо его было растерянным. Он сунулся вправо от лыжни, ткнулся вперед, не получилось. Перебирая лыжами, побежал вдоль чего-то невидимого влево и опять споткнулся. Жалобно заскулил:

– Руку дай! Дай руку. Меня здесь уже отбрасывало. Даже летом. Шел за вениками. Потом отбросило, когда за ягодами. И осенью, когда за грибами.

Я протянул ему палку, как утопающему. Потянул за неё. Нет, бесполезно.

– Это, наверное, партия зелёных вычислила твою частоту и дала приборам указание – не пускать. Видно, грабишь природу. Грибы не срезаешь, рвешь с грибницей. А? Сознайся. Вообще лучше иди к ей.

– К кому – к ей? – испуганно спросил он.

– Ты же сам писал: выбор был большой, но женился ты на ей. Ё с точками. Такое слово есть. Как сказала одна из женщин: «Врач назначил мне приём, я разделася при ём».

– Но ты-то прошёл! – воскликнул он.

– Это тебе доказательство, Аркаша, – назидательно сказал я, – дух первичен, материя вторична. Материя, это ты рвёшься и не проходишь.

Бедняга даже не улыбнулся.

– Ты вот издеваешься, а до меня только сейчас дошло: ведь их же тоже отсюда не выпустят. Никого.

Он побрёл назад, оглядываясь. Я же поскользился дальше, совершенно уверенный в том, что всю эту пантомиму с якобы непусканием его кем-то через что-то невидимое Аркаша выдумал. Было бы слишком поверить в сверхсовременную степень невидимой ограды. Сам не захотел пойти со мной. Конечно, что ему делать в зимнем лесу? Ни тебе аванса, ни пивной.

На опушке леса увидел вдруг, что в лес уводит аккуратная накатанная лыжня. Странно это было. Будто кто-то изнутри чащи прибежал сюда. Но какой-то тревоги я не ощутил. Видимо, за лесом другое село или деревня. Вскоре смешанные деревья опушки: берёзы, ивняк, клёны, пригнетённые лохмотьями снега, сменились елями и соснами. Снег на хвое лежал пластами. Свет с небес плохо достигал сюда, и я остановился, думая возвращаться. Вдруг впереди показались двое мужчин в куртках со сплошными карманами.

– Ты говоришь: купаться, а вода-то холодная. – Это я даже вслух произнес.

Они подошли, поздоровались, назвали по имени-отчеству. Я нашёл в себе силы не показать волнения и сказал:

– Вы сами-то представьтесь.

– Мы – люди служебные. Нам себя звать не положено. А вас приказано проводить.

Поворот сюжета

Меня ввели в ворота, засыпанные снегом или побелённые, так как их даже с пяти шагов не было видно, предложили снять лыжи, вслед за этим я оказался в помещении с камином, креслами и столиком. У камина стояла...

– Юля? – растерянно сказал я.

– Вика, – укорила девушка. Хотя похожесть её на Юлю была стопроцентна. Может быть, в том было отличие, что Юля была попроще, а эта такая шоколадненькая, так миленько предлагала: – Кофе по-турецки, арабски, итальянский капучино? Делаю по-любому, не вопрос.

– Сейчас негр придет, – спросил я, – и разожжёт камин? А на камин вспрыгнет белка и запоёт: «Во саду ли, в огороде».

– Ну вы нормально, вообще супер, – отвечала Вика, – ещё же не факт, если кто-то приходит. Мне лично интереснее именно ваш возраст. Те же что? Только же лапать. Я на это не буду реагировывать. Мне надо общаться, горизонты же надо же раздвигать, вот именно. Будете руки мыть?

– Да зачем надрыватьсья? – отвечал я. – Сколь ни мойся, чище воды не будешь. После смерти нам их и так помоют.

– Ну вы снова нормально, – восхитилась Вика. – Я вам стихи прочитаю, бешено хорошие. «Эх, цапалась, царапалась, кусакалась, дралась. Как будто псина драная с верёвки сорвалась». Велели вас развлекать. Репертуару у меня вы-

ше крыши. «Старичок старушечку сменил на молодушечку. Это не трюкачество, а борьба за качество». И припевки, вот! Дроби отбить? Эх! – Вика подергала плечиками. – «Она не лопнула, она не треснула, только шире раздалась, была же тесная». Ох, это всё так нравилось Плохиду Гусеничу, сюда на совещания приезжает. Только появится, сразу: «Вика здесь? Нет? Уезжаю!» Да они же, – Вика понизила голос, – они же все у него с руки клюют. Вы не подумайте, у меня с ним ничего не было, ему ерунды этой хватало и без меня. Он занятый человек, любил только в дороге, женился к концу рейса.

– Так он Плохид или, может быть, Вахид, может быть, Гусейнович?

– Ой, я не знаю, все тут засекреченные жутко. Мне-то это без надо. Говорит: ну, Викуля, только ради тебя этих коро-е-дов спонсирую. Обожает! Как запузырю: «Отомщу заразе: это было не в сарае, а вообще в экстазе». Он катается. Я добавляю по теме: «Нам не тесно в могиле одной». То есть в том смысле, что в постель же противно идти, прямо как в могилу, так ведь? Или у вас не так? А он заявляет: «Ну ты втёрла в масть!» А я: да ладно, Гусенич, не смехи, и так смешно. Агитирует в законную жизнь без обману, а я в ответ: да ты ж, Гусенич, меня пополам старше. То есть в два раза. То есть если мне... ну неважно! Он меня прикидами заваливал с головой: барахло, всякие там серьги. Я ему: что ли, я афро-азиатка, чтоб в ушах болталось? А перстни зачем? Всё рав-

но снимать, когда посуду мыть. Он в полном ажиотаже: «Ты, Вик, прошла все испытания. Подарю тебе виллу и счёт в банке страны, которой мы разрешим выжить». Я ему: не надрывайся, мне и тут климатит. Он: «Ой, нет, тут такое начнётся, надо готовить запасные точки». Но я на это: а куда я без родины? Он тут как заплачет, прямо как в сериале: «Викуся, а моя-то родина где?» Говорю: посмотри в паспорт. Он – ржать.

Вика отошла к бару, на ходу продолжая рассказывать:

– Тут он меня как-то заревновал, Отелло придурочный. Увидел, какой у меня постоянный взлёт успеха. Говорит: «Люблю тебя, моя комета, но не люблю твой длинный шлейф». Я возмутилась, чего-чего, а умею ставить в рамки приличия: «Если они кобели, так, что ли, я сучка? А к тому же один ты, что ли, говорю, ценитель прекрасного, что ли?» Правильно отрапортовала?

– А шлейф из кого состоит?

– Охранники там разные, шоферня, водилы. Но они же понимают, если что, им тут не жировать. И вообще даже не жить. Дальше комплиментов не идут. Повар только в коридоре прижал, прямо туши свет: «Ош-шуш-шаешь?» В смысле чувствую ли я искомое волнение? Но тут же и отскочил. Боятся же все жутко. А я не боюсь! Я с кем угодно могу закрутить, но не с кем же, его же все трепещут. И есть отчего. Он не только с деньгами, это и дураки могут, но и умный. Я раз подслушала их заседание. Он так резко кого-то перебил:

«Сядьте! Вы думаете, что сказать, а я говорю, что думаю».

Вика переставила вазу с цветами со стола на подоконник.

– Раз я его чуть не уморила до смерти. Частушкой. «Милый Вася, я снеслася у соседа под крыльцом. Милый Вася, подай руку, я не вылезу с яйцом». Что было! Он хохотал до покраснения морды. Я испугалась, даже пивнула из его рюмки для спокойствия. Думала в Первый отдел звонить. Я же положительная женщина, зачем мне убойные ржачки? До кипятка хохотал. Ожил. Икал только долго. Вот такая моя планида, – сказала Вика, вдруг пригорюнясь. – Я – копия женского пола, нам много не доверяют... – И тут же встряхнулась: – А рассудить, так больше-то нам, бабам, зачем? – Вика вновь загрустила. – Дни мои идут, я тут заперта. Иван же царевич не придёт же. Ох, вот бы пришёл, я бы посмотрела на него взором, он бы ответно посмотрел, это же было бы вполне не хуже, так ведь именно?

– Он придёт, – пообещал я.

Николай Иванович

Явился белый человек, лет пятидесяти. Крепкий, доброжелательный. Такими бывают важные референты у больших начальников, без которых начальники ни шагу. Коротко пожал руку, представился Николаем Ивановичем, предложил сесть. Мы сели в дорогие кожаные кресла напротив друг друга. Он немного помолчал, видимо ждал какого-то вопроса с

моей стороны, и заговорил сам:

– Существует выражение: «Человек – самое высокоорганизованное животное». Вот до какой дикости додумались высокоорганизованные животные. Кого цитирую? – Я молчал, он продолжил: – Или: «Несчастья человека никогда не прекратятся, пока он будет думать о земном, а не о небесном». Или: «У Бога нет смерти, у Него все живы. Душа бессмертна, поэтому надо готовить себя к вечной жизни». И ещё: «Россия всех ближе к Небесному престолу». Ещё? «Демократии в России – не власть народа, а власть над народом». Ещё? «Где Конституция – там видимость справедливости, при ней человек бесправен». Или: «Воруют не в России, а у России». Далее: «Любые реформы демократов увеличивают число дармоедов и ухудшают условия жизни». Блестяще! А эта? «Вся система российского образования теперь – это конвейер производства англоязычных ЕГЭ-недодумков». Или на десерт: «Чем необразованнее бизнесмен, тем он успешнее». А? Песня! Так бы повторял и повторял. Да листовки бы с такими текстами разбрасывал.

Мы оба молчали какое-то время. Молчать было невежливо, я сознался:

– Да, это цитаты из моих работ. Но приписать их себе не могу. Это написано на основе прочтения Священного Писания, Святых Отцов. То есть тут я просто передатчик их мыслей. Пчела собирает нектар с цветов, но не для себя, несёт в общий улей.

– Нектар, пыльца – ещё не мёд, их ещё надо переработать.

– Это нетрудно, – решительно заявил я. – В пединституте нас учили рассказывать другим то, что узнали. А разбрасывать листовки? С вертолёта? Сразу собьют. Да и толку? Все же всё знают. – Я помолчал. – И хорошо было б, если б мне было позволено вернуться.

– И вам неинтересно, откуда мы тут взялись, такие умные?

– Догадываюсь. Я тут третьи сутки.

– Тут вы первые минуты, – резонно заметил Николай Иванович.

– А общество умников в селе?

– Это привезенные сюда прославленные научные мозги.

Но не оправдали надежд. Правда, и мы в девяностых были не на уровне. Прямо сказать, растерялись: уж очень легко как-то всё само ехало. Демократия вкатилась в Россию, как в сказке, но без подкладки теории. Её-то и предлагалось им создать. А не опровергать. Да ведь вот и вы – противник демократии, но живёт же как-то Америка.

– Именно как-то. Демократию изобрели демагоги по заданию плутократов. Америка держит её дубинкой и долларом. Но сколько ещё протянут? Дебилизируют народ, заставляют, например, верить, что дерьмо художника – это искусство.

Я пожал плечами и замолчал. Чего говорить известное?

– А вам неинтересно знать, чем мы здесь занимаемся?

– Естественно, строите планы спасения России. Или её умерщвления?

– Что вы, коллега, мы на такой фашизм неспособны. Мы были тогда в плену обычных представлений о государственной машине: экономика, политика, оборона, культура, демография. То есть вроде всё учли. А не стартануло, не взлетело. Почему такая обескрыленность?

– То есть умники не ответили на ваши вопросы?

– Да, мы платили, заказывали музыку, но где отклик? Мы поступали с ними как коммунисты, они тоже вывозили мыслителей в закрытые территории, давали все условия для трудов. – Мужчина развел руками: – Но воз и ныне там. Посему, когда мы прочли какие-то ваши работы, остановились на вашей кандидатуре. Так что сию теодицею треба розжувати. Помогайте... Наградим.

Темнело, поэтому я решил не церемониться. Мне же ещё предстоит марш-бросок по темному лесу и лунному полю.

Надо уходить

– Николай Иванович, всё, что вы процитировали, так сказать, из меня, всё это легко прочесть в Священном Писании. Оно сейчас настолько доступно, что неприлично не знать его. Даже и последние безбожники, атеисты, циник – и, кто угодно, увидели, что Советский Союз развалился от того, что уронили экономику, ослабили армию и вконец изоврались, что партия, что комсомол. А Россия жива. Благодаря Богу. Церковь выстояла, вот и всё. И других секретов живучести

России не будет. Чего тут разжевывать? На месте иудейской пустыни была земля, «текущая млеко и мёдом», но Господь «преложил её в сланость от злобы живущих на ней».

Встал с кресла. Нелепо выглядел я в своей телогрейке и в валенках медвежьего размера на фоне ковров, паркета, камина.

– А ужин? – любезно спросил Николай Иванович.

– И ваш вопрос, какое вино я предпочитаю в это время дня?

– Нет, нет, тут не литература. Конечно, вернётесь в село. Пожалуйста. Но проведите ночь по-человечески. Да, сермяжна Русь, но иногда хочется немного Европы. То есть здесь всё в вашем распоряжении. Но помните, вы здесь благодаря нам. Вас сюда завлекли в самом прямом смысле. Для вашей же... пользы. Нет, не пользы, это грубо, скорее для помощи в реализации ваших страданий по России.

– Как? – Я даже возмутился. – Я занял в этом селе дом. Тут эти интеллектуалы.

Здесь он взял снисходительный тон:

– Так кто же вам присоветовал ехать в сию благословенную глушь, а?

Я поневоле вспомнил, что на адресе именно этого дома сильно настаивал мой недавний знакомый. Уж такой весь из себя патриот. Да-да, он прямо висел над ухом. Добился же своего, дрогнул же я перед словами: Север, исконная Русь, лесные дороги, корабельные сосны, родники.

– Да, вспомнил вашего агента, – признался я. – Подловили. Но, думаю, вы поняли, что я бесполезен.

– Решать это не вам. Да! Наш старец вас хотел видеть. Он благословил меня – я правильно выражаюсь? – благословил меня пригласить вас к нему.

– К старцу? Отлично! Страшусь старцев, но куда без них?

– Почему страшитесь?

– Насквозь видят.

– Наш очень демократичен.

– То есть не видит насквозь? Но если ещё и старец демократичен!.. Не пойду. Лучше прямо сейчас примем с вами по граммულке. У вас же всё есть. Но! Среда сегодня или пятница?

– У нас свой календарь, – хладнокровно отвечал Николай Иванович. – Что хотите, то и будет. Можем и ночь отодвинуть, и время года сменить. Продемонстрировать? – Николай Иванович изволил улыбнуться. – Это у нас такой преподаватель был, семинары вел по спецкурсу. Объявлял: «Демонстрирую» – и шел к демонстрационному столу. Ещё он говорил: «У меня интуиция». А дело знал. Достоконально. Иностранцы его уважали.

Появилась Вика, несущая обнажёнными руками круглый поднос. Опуская его на чёрный круглый столик, произнесла:

– Аперитив. – И спросила меня, назвав по имени-отчеству: – Пойдете в сауну или примете ванну в номере? Николай Иваныч, за компанию? Вы же гурман ещё тот. – Она под-

няла бокал: – Я не официантка, мне позволено. Прозит! А их, как говорит сестричка, чтоб кумарило, колбасило и плющило!

– Кого?

– наших же общих врагов.

– Спасибо, Вика. Уже полдня трезвею. И ванну мне заметит и умножит баня. Мой камердинер Аркадио топит баню в моем поместье.

– Но это же где-то там. Только какая же я Вика, я Лора.

Я долго в неё вглядывался. Как же это не Вика? Может, Юля переделалась? Тоже полная схожесть.

– Вы что, почкованием размножаетесь?

– Это я объясню, – мягко вмешался Николай Иванович. – Было три близняшки. Для вывода, далеко не нового, о том, что на человека более влияет среда, нежели наследственность, мы поместили малышей в разные обстоятельства. Первая, ваша сельская знакомица Юля, выросла грубоватой, курящей, пьющей. Вика простенькая, весёлая, как идеальная нетребовательная жена. Лора, пред вами, образованна, умна, холодна. Но думаю, что все настраиваемы на определённую волну. Понимаете, да?

– Не совсем.

– А как иначе, – объяснила Лора. – Ещё Гоголь сказал: баба что мешок, что положат, то и несёт.

– Умница, – похвалил её Николай Иванович.

– Да и сестрички мои тоже далеко не дуры, – заметила

Лора и спросила меня: – А халат какого цвета вам подать?

– Арестантский. – Это я так пошутил.

– Ну-к что ж. – Николай Иванович дал понять, что время бежит: – Не будем драматуизировать, но всё-таки, всё-таки пока к старцу! – И скомандовал: – Лора, проводите.

К старцу так к старцу

– Прошу! – Лора повела лебединой рукой и повела по коридору.

Я поинтересовался:

– А вы тоже глушите порывы женских инстинктов голосом разума, как и Юля?

– Ну, это у нас семейное. А чего глушить, какие порывы, всё искусственно убито.

– Как?

– Давайте возьму под руку. Объясняю. Кто наши родители, мы не знаем. Мы – жертвы науки. То ли мы из пробирки, то ли клонированы. Нас поместили в различную среду, но одно опыление было одинаковым, телевизор был обязательной процедурой. Он и вытравил в нас всё женское. После него ничего не интересно. Читали – в Англии придурки с телевизором венчаются? Харизма у них такая. Телевизор, как вампир, все чувства высосал, ещё и Интернет. А этот вообще умосос. Юлька с её гулянками всё-таки меньше опылялась: загуляешь, так не до экрана, вот объяснение тепереш-

них русских запоев – лучше травиться водкой, чем дурманом эфира. Так что Юлька немножко сохранилась, да и то. А уж как пристают. – Лора брезгливо потрясла белой кистью. – Сбрендили они со своими трендами и брендами. Оторвутся от компьютера, кого-то потискают для разрядки, вот и вся любовь. Они, конечно, думают, что живые. Машины. Даже хуже: джип же не лезет на «хонду». Постоим? – Пролетела минута молчания. Лора взмахнула ресницами: – К вам такое почтение, позвольте спросить, кого вы представляете?

– Только себя.

– Ой уж, ой уж. Тут никого от себя. Тут такая лоббёжка идёт!

Видимо, остановка была предусмотрена: на стене высветилась огромная карта мира, глядящая сквозь тюремную сетку параллелей и меридианов. Везде были на ней какие-то знаки: треугольники, кружочки, квадраты. Особенно испятнана была Россия. Жёлтые, зелёные, коричневые и чёрные кляксы портили её просторы.

– В Греции были? – спросила Лора.

– Да. А что Греция?

– Предстоит. А с другой стороны, на Святую гору Афон не сунешься. Женщинам там – но пасаран!

– Но пасаран. Да ведь и правильно, а?

– Как сказать. Хотя, думаю, такое вот рассуждение – была же бабья целая страна – Амазония. Была. И что мы доказали? А ничего. Вымерли амазонки, очень уж воевать любили. А

мужчины молятся, вот и живут в веках. Хорошо на Афоне?
А чем?

– Там никто за полторы тысячи лет не родился, все приходят умирать.

– Страшно. – Лора поёжилась.

– Нет, там всё иначе. Там молчание и молитва. Я вначале, в первые приезды, побаивался ходить в костницы, где черепа лежат на полках, сотни и сотни, тысячи, потом стало так хорошо среди них. Вообще, Афон, как и Святая Земля, совсем русский. Идешь один по тропе, даже и не думаешь, что заблудишься, и вдруг так хорошо станет... Это я вам всё очень приблизительно.

– А на Афоне, на самом верху, есть какая-то главная церковь, да?

– Она везде главная. В любой сельской церкви чудо свершается. Преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. А всё ещё какие-то чудеса ищут.

Мы помолчали.

– Николай Иванович доволен опытом, произведённым над сестричками-близняшками?

– Ну доволен, ну недоволен, что с того? Вообще у сестричек соображаловки иногда буксуют, но живут легче меня, умной такой. Я разумом пытаюсь осмыслить, а они махнут рукой на проблему и живут дальше. Я думала, мы – цыганки, уж очень мы безразличны ко всем. Кармен мужика в тюрьму сунула, и хоть бы что – героиня. Потом анализирую: нет,

мы далеко не цыганки. Те всё-таки активно плодятся, а мы – никакого интереса к плодоношению. Может, мы не близняшки, а всё-таки клоняшки, клоны. Или действительно из пробирки.

– Для пробирки вы чересчур хороши.

– Правда? Это комплимент? Вообще, думала, покорять мужчину могут только восхищальки и обожалки. «Ах, какой вы непонятый! Ах, какой вы необласканный!». А вас кто бы мог покорить? Загадочная? Печальная?

– Многодетная, – засмеялся я.

– Осторожней, – предупредила она, сжимая мой локоть. – Нам уже близко. – И я услышал её шёпот: – Скажу потом!

Коридор, высланный вначале паркетом, потом мрамором, потом узорной плиткой, сменился утоптанной и посыпанной песком глиной. Стены пошли бревенчатые. Да и Лорин строгий костюм превратился в красный сарафан, а под ним засветилась белейшая, разукрашенная вышивкой, кофточка. Надо ли сообщать про сафьяновые сапожки?

– Неплохо, а? – спросила она о своем наряде.

– Ещё бы, – восхитился я. – Все бы так наряжались.

– Никто и не запрещает. Смотрю хронику о Москве, женщины там сплошь все в штанах. Будто их на сельхозработы гонят. Да ещё и курят. Хамки, халды, лахудры, больше никто. Оторвы, в общем.

Я вздохнул и пожал плечами.

– А здесь, – показала Лора на стальную дверь, – живут

наши колдовки, фобии.

– Кто-кто?

– Колдуньи, фобии. Впервые слышите? «Фобия» по-русски – ненависть. Зовут их Ксения и Руся. Ксения Фобия и Руся Фобия. Имя и фамилия. Жрут только мясо и исключительно с кровью. Отожрутся, отоспятся и опять на работу. Возвращаются – и жрать, жрать. Как мясорубки жрут. Стервы такие. По-любому сто пудов. Или не так? – Не дожидаясь ответа, да я бы и не знал, как ответить, Лора оглянулась, приблизила свою голову к моей и прошептала на ухо, я даже почувствовал, как шевелились её тёплые губы: – Он не Николай Иванович, это такой клеветун. – И отшатнулась, громко сказав: – Ну-с, мы у цели. Вам сюда.

У старца

А для меня открылась заскрипевшая дверь в темную келью. Зрелище, как сказала бы нынешняя молодёжь, было неслабое. В центре кельи стоял просторный чёрный гроб, покрытый плотной чёрной тканью, исписанной золотыми буквами славянской вязи. Стоял около гроба огромный мужчина в рясе, в монашеском куколе, тоже исписанном. Я даже, честно сказать, растерялся: подходить ли под благословение? Перекрестился на передний угол.

– Ушел я из монастыря, – смиренно произнес старец. – Дымно там, смутно, закопчено. Звон есть, а молитва на ве-

тер. Показуха одна для архиереев. Мне подавай келью. Да чтоб гроб из целикового дерева. – Он пристукнул по крышке гроба. – Ложись, примерь. Хватит духу?

– Думаю, у меня свой будет со временем, – так же смиренно ответил я.

– Всё взрывается, – закричал старец, – всё горит, всё за-тапливается, низвергается и извергается, падает! Всё трясётся! Все видят? Все! Даже слепоглухонемые. И кто понимает? А? От труса, глادا, мирского мятежа и нестроения кто спасет?

– Господь Бог, – смиренно отвечал я.

– Кто этим проникся? – кричал он. – Кто вразумился? Всё на физику списывают, на химию. А? В гробу сплю. Вознесение моё близко. Ближе, чем это дерево. – Ткнул пальцем в бревенчатую стену. – Сядь! Присядь. Что в лоб, что по лбу.

Я сел на скамью, которая шла к порогу от переднего угла. Старец взметнул воскрылия одежд и возгласил:

– Продалась власти церковь, ох, продалась! Ох, скорблю. Время скорби к ограде придвинулось, кто внял? Ныне отпускаеши, Господи, а на кого мир оставляю, Россию-матушку, ох, на кого? Ах вы, пренеосвещённые митрополиты, архиепископы, епископы, пастыри и архипастыри. Воздежу к вам руке мои и перстом указую: оставили, греховодники, пасомых, пошто попечения о плоти превратили в похоти? Ох, неумоги, нечем дышать! С дьяволятами ватиканскими молитесь, вот вы как экуменистничаете! Устегнуло время церк-

ви, кончилось. Предсказанное! Ангелом света изображается антихрист, а вы всё в церковь ходите, ах, слепцы! Какое чтение Писание? Семи Церквам писано в Откровении Иоанна, апостола любви, семи! Дожила хоть одна? Вот и не верьте в Апокалипсис!

Старец и причитал, и угрожал, а то и обличал. Можно было понять так, что никто ему не угодил, особенно из священнослужителей. Но зачем он хотел меня видеть? Терять мне, опять же, было нечего, я сказал:

– Простите, батюшка, можно к вам так? Не понимаю довольно слов ваших. Не сердитесь, но все ваши речитативы походят на шаманское камлание, а вы – на ряженого. Можно спросить: вы давно причащались?

– А сколько раз за сорок лет причащались Мария Египетская?

– Там пустыня, там ангелы её причащали.

Он подошел. Взгляд его, признаюсь, был пронзителен. Седые усы и борода росли настолько сплошь, что и рта не было видно. Откуда-то из волосяных зарослей понеслись напористые слова:

– А здесь не пустыня? А? Здесь нет ангелов? Нет? Не видели? А видят те, кому дано. Вот вам в ответ на Марию Египетскую.

– Ещё раз прошу прощения, – сказал я, невольно делая шаг назад.

– Исходящее от нас, то сквернит человека, – уже спокойно

заметил он. – А что исходит от людей? Испорченный воздух, похмельные выхлопы, вопли эстрады, матерщина и блуд. Если бы от людей исходила молитва, с бесами было бы покончено. Всё святое оплёвано! Тяжело не то, что тянет плечи, а то, что душу не радует.

– Смиренно внемлю и ничесоже вопреки глаголю, – сказал я. – Но за что же всё-таки вы так нападаете на священнослужителей?

– А это сие яко будет како? – язвительно спросил старец.

– Грешно осуждать, – не отступал я. – Осуждать грешно, а тем паче обличать. Кто мы, чтоб обличать?

– Не знаю, кто вы, а вот я-то знаю, чья кошка чьё мясо съела. В роскоши утопают. Все знаки предреволюционные. Это они видят? За заборами живут, с охраной ездят, обжираются в застольях по пять часов.

– Есть и старцы, – миролюбиво заметил я.

– Старики есть, где ты старцев видел?

– Надеюсь, он предо мной. Вас именно старцем рекомендовали.

– Это как Бог рассудит, – скромно ответил старец. – Старца кто делает? Народ. Но не эти же, от кого я ушёл, не просители. Сидят часами у кельи, ждут. Заходит, на колени: «Спаси!» – «От чего?» – «Помидоры у меня выросли фиолетовые. Я думаю, мне их соседка марганцовкой поливала. Накажите её». – «А помидоры ела?» – «Да». – «Вкусные?» – «Ну да». – «Ну и иди, и ешь свои помидоры». Разве такие вопросы надо

старцу ставить?

– Амвросию Оптинскому тоже простые вопросы задавали.

– Так то Амвросий. Великий старец! Ему можно о всякой ерунде говорить. А меня надо на больших вопросах вырашивать.

– Например?

– Например? – старец подумал. – «Есть ли двенадцать тайных старцев на Афоне и кто к ним на подходе?» Или: «Ще Польска не сгинела?» Или: «Ще не вмерла Украина?» А я отвечаю: «Ще чи не ще, нам-то хай коромысло гнэця, хай барвинок вьэцца». Довели Россию! Одно воровство да похоть. Сплошная тьма тараканья. Поздно уже, нет России.

– Куда же она делась? – вскинулся я. – И возродиться ей не надо, она жива. Стоит на основании, которое есть Христос. С чего ей погибать? Как наскочат враги, так и отскочат. Ну, сорвут кой-где камня три. Нам только на Бога возвести печаль свою, Он препитает.

– Капитулянтские настроения, – выразился старец.

– Но мы же ни в земной жизни, ни в загробной не сможем выйти из созданного Богом мира. Мы – гости в Его доме. Гости мерзейшие: паскудим, заражаем землю, воздух, воруем, пляшем на костях, за что нас ещё привечать? Первой провалится Америка, а потом и весь мировой беспорядок, как костяшки домино. Россия ещё подержится. Да и то.

– Что «да и то»?

Это меня спросил не старец, а Николай Иванович, оказав-

шийся вдруг рядом.

– Да и то если и она провалится, то и это будет справедливо. Залезла свиная харя Запада в русский огород, мы ей за ушами чешем. Малое стадо спасётся. Так оно и было всегда. Всегда на шею садились: то иностранцы, то большевики, то коммунисты. Сейчас вот демократы. Да ведь и они не надолго. Скоро заёрзают от неудобства и страха. Ну, может, их-то изгнание без крови обойдётся.

Местное телевидение

Старец, севши на кресло, закрыл глаза и всхрапнул даже. Николай Иванович поманил меня. Мы вышли.

– Ну и как вам наш старец?

– Извините, отделаюсь незнанием. Может быть, он из бывших монахов или священников? Самость, гордыня видны в нём. Они в нём настоящие. А он? Не знаю.

Обратная дорога по коридору оказалась гораздо короче. Мы вернулись в комнату, откуда меня недавно увела к старцу Лора.

– Тогда я отдыхать, да? – спросил я. – «Скоро утро, но ещё ночь». Из Иеремии.

– Насчёт времени дня поспорю. Какая же ночь, когда мы способны сотворить день. – Николай Иванович подошёл к стене, оказавшейся чёрной портьерой, и рванул её в сторону. Солнце засияло во всё широченное высокое окно. Я даже

зажмурился.

– Отдыхайте, переодевайтесь и – на заседание. Увидите правительство России. Будущее.

– Всё-таки о старце. Он актёр? – спросил я.

– Вы меня восхищаете. Старец, каких много, вам интересен, а сообщение, что здесь правительство России, пропустили мимо ушей.

– Да и оно, думаю, искусственное.

– Нет, оно со старцем не корреспондируется. Так что позвольте вам этого не позволить. Оно настоящее.

Я поглядел на Николая Ивановича. Он был спокоен. Что бы ещё такого спросить?

– Сейчас в доме моём, где вся эта мыслящая братия, – вечер, ночь, день?

– Сейчас посмотрим. – Николай Иванович потыкал в кнопки компьютера.

На экране проявилось задымлённое пространство моей избы и мои собутыльники. Махали руками. Сильнее других Ильич. Ахрипов, агроном Вася и Лёва спали. Оборонщик разливал. Ни Аркаши, ни Юли, ни Гената не было. Я вслушался.

– Интеллего дерьмовое, молчать! – кричал музыкант Георгий. – Правильно Ленин характеризовал интеллигенцию. Он-то побольше других ушей Амана сожрал!

– Так он по себе и судил! – закричал наш Ильич. – Он же знал, что говорит, сам же интеллигент.

– А нынешние даже и такого имени не заслуживают. – Это проснулся социолог Ахрипов. – Если они уже педерастам дают зелёную улицу, знаете, как их зовут? Либерастами.

– Звук прибавьте, – попросил я Николая Ивановича.

– Сейчас некогда. Не волнуйтесь, все их слова записываются. Если интересно, потом сделаем распечатку. Вообще крепко выражаются. – Он поглядел на бумаги около экрана. – Это вы их заразили мыслью о создании музея человеческой мысли? Последние два дня как-то они стали оживать, а то все сплошной хор «Бродяга Байкал переехал» да «Врагу не сдаётся наш гордый „Варяг“».

– Они и сами в состоянии заразить кого угодно.

– Да уж. Выключить?

– Минуточку. – Я поглядел на моих знакомцев. Они по-прежнему жили там, в избе, в этом реальном – или уже ирреальном? – времени, плавали за стеклом экрана, как рыбы в мутной воде. – То есть все они, и я, и тот, предыдущий, о котором я хотел бы узнать побольше, все были у вас под колпаком?

– А как вы думали? – даже обиженно ответил Николай Иванович. – Не можем же мы за просто так, за здорово живёшь такую артель содержать. Правда, сейчас скинули с довольствия: не оправдали надежд. То есть специалисты они, любой и каждый, на все сто, но по выводам исследований разочаровали. Сейчас пустили их на беспривязное содержание, в масштабах, конечно, ограниченных. Кто сопьётся,

кто... да что мы о них?

– То есть отсюда они уже не выйдут?

– А зачем? – хладнокровно ответил Николай Иванович. – Им уже некуда возвращаться. Да и не надо. Зачем? Мы в известности не нуждаемся.

– Возьмите подписку о неразглашении.

– Ну не детский же сад, – упрекнул Николай Иванович. – Подписка. Но попробуем ещё их использовать. Так! Переодевайтесь, вас проводят.

– Николай Иванович, ещё просьба – показать дом Ивана Ивановича.

– А кто это? – спросил Николай Иванович.

– Так, ерунда, – неожиданно для себя отговорился я. – А вот вопрос: могу я им отсюда что-то сказать? Они же меня начальником считают.

– Вообще не практикуем. Хотя? Хотя что мы теряем? Как гром небесный ваш голос прозвучит.

– Честно скажу, ещё из-за того прошу, – объяснил я, – мне надо увериться, что не сплю, что всё происходит у них и здесь в одно и то же время.

– Да ради Бога! Только замечу, это для них будет впервые. Пожалуйста, короче, несколько слов. – Николай Иванович опять ткнул куда-то в клавиатуру. В избе раздался сигнал, который звучит в аэропорту перед объявлениями. Все там прямо вскинулись и замерли.

– Слышно меня? – спросил я в микрофон.

– Так точно! – первым очнулся оборонщик.

– Поняли, кто с вами говорит?

– Д-да! – как выстрелил оборонщик. – Товарищи офицеры!

Все вскочили.

– Слушать и выполнять! – скомандовал я. – С этой минуты приказываю встать на просушку! Резко протрезветь! Как поняли?

– Так точно! – отрапортовал оборонщик.

– Конец связи.

Экран погас и стал обычным матовым стеклом.

– Лихо вы их, – подметил Николай Иванович. – Идемте.

Мы пошли по коврам зимнего сада, и Николай Иванович, как бы между прочим, спросил:

– А вчера, ближе к вечеру, вы куда-то прогуливались?

Я чуть не сказал про Ивана Ивановича, но что-то остановило меня.

– Проветривался. Там же дышать нечем. Их корпоративная пьянка пропорциональна интеллекту. Всё по-русски: спиваются мастера, а подлецы – никогда.

То есть, подумал я, Иван Иваныч у них не под колпаком. Зачем-то же мелькнула эта мысль?

Главный разговор

– Николай Иванович, – сказал я, – благодарю за откровен-

ность и надеюсь на её продолжение.

– К вашим услугам.

– Итак, зачем я вам?

Он на ходу поправил какое-то экзотическое растение в керамической вазе, потыкал указательным пальцем в землю цветка, покачал головой.

– Сухо. Работнички. – И ко мне: – Вы говорили, что у России нет никаких секретов. Но согласитесь, это и есть секрет.

– То есть чего это она всё никак не помрёт?

– Хотя бы так спросим.

– Россию хранил Удерживающий, царь православный. А нет его, кто хранит? Россия же жива. Хранит Господь Бог, Дух Святой. Матерь Божия. И это реальность. То есть никому не надо с нами связываться. А всё неймётся. Упование на золото да на оружие. Какой был великанище Голиаф? А как вооружен! Что рядом с ним Давид? Несерьёзно же. Но победил. Дело не в оружии, в духе. Бомбить стариков и детей ума много не надо, но ведь до поры до времени. Цивилизация Америки – путь в бездну с оплаченным питанием и проездом. Хорошо бы наших побольше с собой захватили.

– А вы кровожадны.

– Ничуть. Мораль демократии заглушает страх Божий, отсюда рост числа развратников. О них говорю. Их жалеть?

– Что вам, не всё равно, какая у кого ориентация? Вы об этом? Свобода.

– Ну вот пусть свободно и гибнут. Это же Россия – стра-

на целомудрия. Помните картину «Апофеоз войны», пирамиды черепов? Это черепа педерастов Ближнего Востока. А Карфаген, Содом и Гоморра, Помпея? Все гибли от разврата. В России такой заразы не водилось.

– Всегда узнаёшь что-то новое. – Николай Иванович остановился, слегка повернул около цветка лампочку обогрева и освещения. – Забудем извращенцев. Вопрос: революция возможна сейчас в России?

– Нет. Революционеры банкирами стали. Хотя... хотя в России всё возможно. Рецепты революции прежние: три дня населению хлеба не давать, ворье и шпану из тюрем выпустить, винные склады сами разграбят. Как Ленин учил – телеграфы и банки взять. Телеграф уже необязательно, связи хватает, а банков, на радость шпане, стало побольше. Охранники тоже оживятся, и они не дураки гибнуть за буржуев. А для молодежи очень сладостна музыка водопадов осколков стекла разбитых витрин. Электростанции и водопровод взорвать, газом побаловаться. Бомбы с удовольствием будут бросать бомжи. Запасов взрывчатки – тонны. Но думаю, пока будет тихо. Помойки сейчас сытные, собаки хлеба не едят.

Николай Иванович неопределенно пожимал и поразжимал пальцы правой руки.

– Вообще, Николай Иванович, при разговоре о России надо всё время держать в уме, что ей нет аналогий. Глупость наших правителей в том, что они насильно тащат Россию в мировое сообщество. Да, мы на одной планете, но мы дру-

гие. И единственные. Мы от хлеба и зрелищ не погибнем. Наше у нас всегда сидели всякие захребетники. Но где они? Вопят из ада, завидуя нищему Лазарю. – Я подумал вдруг: а зачем я всё это ему говорю, такому умному?

– Вы спросили, зачем вы здесь? – заговорил Николай Иванович. – Отвечаю. Хотя мы и недовольны результатами труда этой когорты, но решили ещё попробовать. Знания у них, не в пример зашоренным западным учёным, прочны и разнообразны, не бросать же на ветер такое богатство. Вы сами напомнили школы демагогов в Античности и то, что система демократии создана искусственно по заданию плутократов. Вы не совсем правы, что она держится только долларом и дубинкой. Не только. Но по прошествии веков начала давать сбои, разболталась в пути. Вопрос: подлежит демократия ремонту или бесполезно ею заниматься и надо изобретать что-то другое? – Николай Иванович сделал паузу. – Вот за это мы и хотели их посадить под вашим чутким руководством. Наша установка – всё-таки не торопиться со свержением демократии, а выработать рекомендации по её укреплению, обеспечить ей жизнеспособность для начала лет на двести. Ведь уже было двести лет вместе. Возьмётесь?

– Русский писатель помогает демократам? Сон смешного человека.

– Знаете, скажу до конца. Мы не наивны и понимали, что Россия быстро распознает сволочизм чикагских мальчиков. Я один из них, но не хапал, я русский. Есть реальная Рос-

сия, ей надо помогать. Много ли в прошлые годы было воплощено в жизнь проектов ваших друзей? Вы жалели деревни – их сносили, кричали о сбережении леса – его вырубали, были против показа западных развратных фильмов – их крутили день и ночь. Что касается монархии, это, простите, такая утопия, что и обсуждению не подлежит. Надо – дадим конституционного монарха, жалко, что ли? Взят, взят ваш помазанник Божьей волей, молитесь, да и достаточно. Надо Россию спасти в современных, – он это слово выделил, – условиях. Ничего не возвращается. Да и вы в прежнюю свою жизнь уже не вернётесь. Да, так. Слушайте, – вдруг вдохновенно заговорил он, – ведь может же быть хоть раз в мировой истории такое, что закулисный кукловод – русский человек? Мне ничего не важно, не интересно, кроме того, что я делаю Россию страной будущего. Я прекращу воровство чиновников страхом наказания, уничтожу пьянство штрафами, запрещу аборты, поставлю пределы нашествию иноязычных. Это плохо? У меня нет личной жизни, и не было, и не будет. И я никого не жалею, а прежде всего себя. И вам говорю: вам всё равно тут погибать, так что... делайте выводы.

Мы вышли в просторный вестибюль, в который выходили коридоры.

– Слишком по-разному смотрим мы на будущее России, – только это я и смог ответить Николаю Ивановичу.

– Ничего, ничего. – Он уже был спокоен. – Переодевайтесь, и на заседание.

Появилась Лора и почему-то шёпотом на ходу сообщила, что старец просит меня зайти к нему. Что-то внутри сказало мне: не надо. Проводила до дверей номера. На окнах в нём были тяжёлые бордовые портьеры. Отвёл их в сторону, но за окном со стороны улицы были плотные серые ставни. Я уселся на диван, посидел, тяжело вздохнул и пошёл под душ.

Вышел, увидел на диване два костюма. В клеточку и в полоску. Моего размера.

Заседание. Страхи и надежды

Комната была овальной. Стол в центре, пользуясь выражением Николая Ивановича, с ней корреспондировался, то есть тоже был овальным. По стенам, скрытые полумраком, пейзажи разных широт и долгот, на столе перед каждым откинута крышка компьютера, микрофон. Было это всё и предо мной. Я уже был переодетый и освеженный душем. Настойчиво пахло каким-то дезодорантом. Ни мне никого, ни меня никому Николай Иванович не представил. Он тут явно был центровым.

– Докладывайте, – пригласил Николай Иванович мужчину, сидевшего напротив меня, но не назвал его. Мужчина, взглядывая на свой экранчик, говорил долго. По тому, как его слушали, я понял, что ничего нового для присутствующих он не сказал. Но слушали вежливо.

Доклад говорил о судьбах планеты. Я кое-что помечал для

себя на листках бумаги предусмотренной богатой авторучкой. В докладе рассматривались варианты гибели планеты. Все государства как-то дружно, не от одного, так от другого, закруглялись, только вот Россия не лезла ни в какие рамки. Не получалось её сравнить ни с одной страной, она даже и не страной представлялась, а целым миром, цивилизацией со своей религией, культурой, будто и не земная была, а пришедшая извне. Кстати, она единственная не была создана путём захвата. Её исследовали больше других. Докладчик сообщал:

– Надежды, что с разрушением Союза, и Россия погибнет, не оправдались. Не было учтено, что Россия за века выживания привыкла к минимуму потребностей. Тогда было изобретено и внедрено в Россию через агентов влияния понимание, что все народы развиваются и идут по одному пути. И если ты не идёшь по этому пути, ты не цивилизован, ты дикарь, твоё место в службе золотого миллиарда.

Про золотой миллиард давно надоело слушать, но тут была такая уверенность, что это дело решённое, данное и тех, кто ставит сие под сомнение, ждёт судьба подчинённых доллару стран. Глобальный рынок создаст счастье уменьшенных численностью народов.

Свет так падал на стол, что лица заседающих были плохо видны. Из-за их спин на освещенную поверхность стола чьи-то – может, Лорины, может, Викины – обнаженные руки ставили чашки с чаем и кофе, приносили всякие печенья, сла-

дости. Передо мной, хоть я и не просил, возникла розетка с жёлтым мёдом.

– Только не надо о демократии рынка, – бесстрастно вещал докладчик. – Кто когда видел, чтобы рынок управлялся демократически? Нам нужно убить нравственность народа, без этого не убить России. Как? Всего успешнее в этом направлении работает именно рынок и внедренная в него финансовая банковская система. И также внедрённый идиотский тезис о конкурентоспособности. Всё это уже работает. Но медленно. Медленно, господа! Правящие миром недовольны темпами гибели России, требуют их ускорить: Россия – единственное препятствие на их пути к окончательному мировому господству. Остатки сопротивляющихся ориентируются на Россию, это полюс, к которому интуитивно стремится погибающий мир. Переубедить Россию, и это надо признать, не удаётся, она упряма до непонятно какой степени, поэтому её решено уничтожить. Для начала...

– Затопить Москву? – подал кто-то голос.

Я всё не мог поверить, что всё происходит всерьёз и с помощью реакции на возглас хотел понять: спектакль это или сходка сумасшедших?

– Это одна из версий, рассматривается и она, – спокойно отреагировал докладчик и продолжал: – Уничтожить решено потому, что всегда легче построить новое здание, нежели восстанавливать старое. Если бы Советский Союз не был уничтожен, Америка не имела бы столь блестящих успе-

хов в бывших республиках. В мире уже нет Евангельского Удерживающего, и Запад боится, что Он может появиться в России. Именно поэтому начинается спешка по ликвидации России. К ней тем более подстегивают исчезающие запасы нефти. Это враньё, что у Америки нефти много, её мало, а жить Америка хочет всегда, посему ей не нравится, что в России нефти много, что Господь и в этом был щедрее к России.

Конечно, докладчик говорил гораздо подробнее, нежели я запомнил, но суть уловил.

– Есть сценарий, по которому намечено сравить Индию с Пакистаном. За Пакистан, естественно, вступится Китай, а так как у всех ядерное оружие, то число едоков в мире уменьшится. Пока сравить не удаётся, но уже внедрены военные базы в Средней Азии и у границ России. И не только запасы нефти на Ближнем Востоке контролируются, но и кладовые Каспия. Главная надежда Штатов на то, что Китай захватит Россию, но при этом будет дружить с Америкой, напрасна, ибо Китай уже начал захват России ползучей миграцией, но Америке будущего захваченного пространства он и понюхать не даст. Он и Америку покрывает сетью своих агентов, покупая своим молодоженам билеты в одну сторону. У себя им рожать не очень позволяют, а на стороне сколько угодно. Далее: Сибирь, на которую все облизываются и которая, при скором глобальном потеплении, превратится в цветущий земной рай, остаётся русской. Это препятствие Аме-

рика будет преодолевать, и она торопится, ибо Китай вот-вот станет ядерной сверхдержавой. Спешку стимулирует и Южная Америка, которая от своих карнавалов и футбола скоро перейдёт к игре мышцами на чужой, естественно северной, территории.

Но нельзя было понять оценки докладчика, то есть к чему был направлен анализ происходящего в мире: докладчик вещал безадресно. Я покосился вправо-влево, но видел только чёрный стол, матовые экраны компьютеров. Иногда белые кисти рук возникали из темноты, пальцы на них свершали некие пианистические нажатия клавиш и опять растворялись в темноте.

Далее говорилось, что вскоре Голландия, Калифорния и некоторые другие пространства затопятся растаявшими ледниками, а в Европе все выгорит от жары. Вскоре, в добавление ко всем этим погодным катаклизмам («Божьим карам», – сказал я про себя) приплюсуется ещё и то, что тёплое течение Гольфстрим отвернётся от побережья, начнутся холода, всюду будет неурожай и только богоспасаемая Россия будет процветать. Как такое позволить? Обидно же, что грядущий новый потоп обойдёт Россию. Репетиция потопа прошла в Индийском океане, когда за минуту было уничтожено двести тысяч человек, разве это неповторимо?

– Хорошо ещё, – откомментировал эту трагедию докладчик, – что миру не пришлось кормить эту ораву. – Меня передёрнуло. – Докладчик вещал далее: – Имеющие вскоре

быть затопления, вначале прибрежий, хотя в них пока не верят, неизбежны. Людям придётся потерять всё. Их надо будет кормить за счет остальных. Это вызовет милосердие у немногих, а у основной массы – злобу.

Я слушал, но по-прежнему не мог понять позицию выступающего. За кого он? Послушаем ещё.

– То есть землёй обетованной ближайшего будущего будет именно Россия. И народ прежней обетованной Земли её займёт. Может, он после взятия Иерусалима для того и был рассеян, чтобы узнать, где можно спастись в грядущем? Грядущее наступило, он узнал. Племя торговцев и финансистов владеет миром. Иначе и быть не могло. Крестьянин кормит людей, машинист возит, врач лечит, учитель учит, воин защищает, шахтёр добывает топливо, портной обшивает, повар стряпает, то есть любой труженик думает о других, только финансисты, торговцы, купцы думают о личной выгоде. Если они так думают два тысячелетия, до чего-то же они должны были додуматься. Пример – организация финансовых кризисов. Есть у тебя ресурсы или нет их, а хвостом вилай.

Просят выступить

Николай Иванович аккуратно положил передо мной полоску бумаги. На ней четко: «Вас попросят выступить. Два три слова о России, о начале обретения ею места в мире, хо-

рошо? О попытке улучшения демократии».

– У нас среди приглашенных, – как будто из темноты вскоре сказал председатель, – специалист по вопросам современного состояния России в мире. Сам он – выходец из низов, мнение его, полагаю, небезынтересно.

На экране предо мною крупно замигало: «Вам слово».

– Состояние? – Начав, я подумал, что надо же было как-то к ним обратиться: коллеги? господа? друзья? братья? Ничего не подходило. Ладно, обойдутся. – Состояние у России такое же, как и всегда, во все века, – тяжёлое.

– Но почему? – спросили из темноты.

– Россия – светильник, зажженный Богом перед лицом всего мира. А светильник не скроешь, стоит на высоком месте. И очень многим это не нравится. Он их освещает.

– Но это же хорошо, – усмехнулся кто-то, – на электричество не тратиться.

– Освещает не местность, – я решил быть спокойным, – а всю мерзость остального обезбоженного мира.

– М-да. – Это, по голосу, председатель. – И почему же в ваших работах настойчиво проводится мысль о невозможности введения демократии в Россию?

– Жадны и циничны демократы, поэтому. Жадны, видимо, от природы, а циничны от безнаказанности. Демократия позволяет им воровать, она не будит совесть. Врать для демократов – все равно что с горы катиться.

– А пример такого вранья можете привести?

– Говорят, что жизнь в России становится всё лучше, а на самом деле всё тревожнее. Частные интересы демократов не есть интересы России. Может, в этом ключ. Они смотрят на Россию как на территорию проживания и наживы. Чтобы их не сковырнули, внедряют в людей желание им подражать. Ну и так далее. Простите, я совсем не понимаю моей роли здесь. Где я? В масонской ложе?

– М-да, – снова уронил председатель.

А что мне было терять? Если бы я неправду говорил. В конце концов, я же понимаю, что полностью в их руках. Ещё подумал: успеть бы написать послание своим, а как передать?

– Вопросы есть к докладчику?

– Ну уж, – я не мог не улыбнуться, – докладчик. Автор двух реплик. Можно и третью: когда кричат об интересах общества – значит, о человеке не думают. В России смертность долгие годы опережала рождаемость, развращение молодежи усиливается, пьянство, хулиганство, проституция, сиротство увеличивается, и вот всё это называется демократией.

– То есть, по вашему мнению, надо свергать это правительство?

– А что толку?

– То есть?

– То есть лучше не будет.

– Но как же не учитывать регулятор общественных отношений – рынок? – Это из темноты какой-то новый, незнако-

мый голос.

– Какой рынок? Вы как будто не слушали доклада, в докладе сказали, что забота о людях в рынке и не ночевала. Рынок в России позволяет сжирать конкурентов, травить людей некачественными продуктами, ширпотребом подпольных фабрик. Рынок – место действия жадности и корысти. А что такое рынок для культуры? Выставки похабщины, издевательство над всем святым? Порнография кино и театра. А что такое рынок для религии? – Я помолчал. – Думаю, что ничего нового я вам не сказал, и поэтому прошу возможности откланяться. С вашего позволения?

Я встал. Никто не удерживал. Дверь предо мной распахнулась. За дверью стояли Лора и Вика. Дверь за мной закрылась.

– О-о-ой! – громко и горестно воскликнул я, да так, что они испугались.

– Что, что с вами?

– Главный итог двадцатого века – то, что Россия бессмертна. Вот это предложение забыл сказать. Может, раз в жизни дали серьёзную трибуну, а я забыл. Вернуться уже неудобно. А?

– Да уж, – посочувствовали сёстры. – Тут главное – не подумать, а вслух сказать: тут же везде аппаратура, запись. Россия, значит, бессмертна?

– Как иначе? Она – Дом Пресвятой Богородицы, подножие Престола Царя Небесного.

– Так как же тогда Судный день? Всё же провалится, всё же сгорит. Или я не так поняла, мне книжку старец давал про Страшный суд? – это спросила умная Лора.

– Да-да, суд-то Страшный будет же, так ведь же? – это добавила Вика.

– Куда денешься, будет. Но вот Россия как раз его и пройдёт.

– Тогда перед судом вся сволота сюда и приползёт.

– Правильно Лорка догадалась? – спросила Вика.

– А откуда сволота узнает про суд? – резонно спросил я. – Ну что, красны девицы, отпустят меня ваши добры молодцы?

– Даже на вездеходе, – сказали они. – А хотите ещё послушать, о чём они после вас говорят? – Лора потыкала пальчиком в клавиатуру. На экране, в затемнении плавали тени голов. Голос докладчика был хорошо слышен.

– ...но, конечно, будут и у них несгибаемые личности. Но много ли? Всегда были. Главное – обезлюдить пространства, для начала с полезными ископаемыми. Не стесняться в выборе средств. Вскоре и притворяться не надо будет...

– А их старцы, их предсказания?

– Да и мы своего завели.

– Нет, у них настоящие.

– Не перебивайте. – Голос основного докладчика. – Продолжайте.

– ...Да, спасибо. Также пора, хотя, может, и преждевре-

менно, обсудить планы перехода цивилизации избранных на запасные площадки.

– А Земля? – спросил кто-то.

– Ну, это просто – сместим земную ось. Ядерные заряды на обоих полюсах – один слева, другой справа – и качнём. Поможем ихнему Господу, ускорим день Икс, они его Страшным судом зовут. Вы же сами видите, как их ни воспитывай, они от своего Христа не отступятся.

Не говоря ни слова, я пошёл к выходу, по дороге сдирая с себя пиджак. В коридоре остановился и, не стесняясь Вики и Лоры, дежуривших у дверей, снял дорогие брюки и попросил прежние наряды. Мне вынесли всё моё – и куртку, и лыжи, и валенки. И Лора и Вика поцеловали меня в небритые щёчки. Лора нажала ладонью на грудной карман куртки.

Меня не держат, но и домой не везут

У крыльца стоял новехонький сверкающий снегоход. Дверца в выпуклом боку откатилась, обнаружив тоже новенькие внутренности. Я торопливо, даже не подумав, что уезжаю, не простясь ни с кем, вошел в кабину, отделённую от водителя матовым стеклом, и меня лихо повлекли через тёмное пространство леса и сугробов. И везли довольно долго. Что ж это? Я и на лыжах добрался бы быстрее.

Но вот снегоход тормознул, потом опять немного проехал, снова остановился и замолчал. Дверца кабины отошла в сто-

рону. Два человека в униформе, но уже в другой, в более дорогой, меня пригласили выйти:

– Лыжи оставьте.

Приходилось покоряться. Невысокое серое здание без окон напоминало какое-то хранилище. Молча вошли в открытые двери, ввели в лифт, нажали кнопку. Лифт ощутимо провалился и долго, мне показалось, падал. Мягко приземлились и оказались в просторном вестибюле. Мне вежливо указали на дверь, за которую уже не сопровождали. Дверь открылась сама.

Человек с лёгкой сединой в чёрных волосах, в зелёной рубашке под серой шерстяной кофтой протянул мне руку. Пригласил сесть.

– Даже и кофе не предлагаю. Задержу ненадолго. И дела никакого нет.

– Если дела нет, зачем тогда встреча? – спросил я. – Положение неравное: вы знаете обо мне всё или многое, я о вас – ничего.

– Хорошо, представляюсь. Я – кукловод кукловодов. Итак, речь о Церкви. Понравится ли вам утверждение, что Церковь в России уже как частная лавочка, да и не только в России? Но в России помногочисленной и поживее. Но это временное оживление после тысячелетия Крещения и прихода свободы. Уже идет отпадение, сокращение числа верующих.

– А мне кажется наоборот, – возразил я.

– Не обольщайтесь. Соединение с Зарубежной Церковью

результатов не дало. Ждали усиления религиозного чувства. А оно падает.

– Опять не согласен. А постоянное увеличение участников крестных ходов?

– Агония. В любом случае Церковь обречена.

– Почему обречена?

– Сужает свободу.

– Какую? Разве кто-то отменил свободу воли? А свободу вседозволенности и надо сужать. Это показала демократия: в её свободе растёт всё, кроме нравственности. Церковь противостоит разврату, а демократам это не нравится. Вывод – они развратны сами.

– Допустим, наполовину согласен. Только вы имеете в виду свободу, ещё не взятую в рамки закона. Поправим.

– Демократия неисправима. Она жадна, а жадность – наркотик. А наркомания – болезнь. А больные, не желающие лечиться, сходят на нет.

Он немного прошёл по кабинету.

– Но согласитесь, не наивно ли верить в спасение, ждать его, не пора ли задуматься: а чего это мы, ребята, ждём двадцать веков? Никто вам не мешал верить, и чего вы дождались?..

Тут я сразу перебил:

– Да как это не мешали? Во все века только и было пролитие крови: кто за Христа, кто против Христа. С востока, с запада, с юга! Как это не мешали?

– Но это войны за территории, рынки сбыта, сырьё, невольники, передел мира.

– Вообще, позвольте я скажу выстраданную истину. – Я даже встал. – В мире нет никакой истории, есть единственное во все времена: или мир становится ближе ко Христу, или отдаляется от Него. Никакой другой мировой истории нет.

Он тоже встал. Помолчал.

– Я бы согласился, если бы вы слово «Христос» заменили словом «Бог».

– А Христос и есть Бог.

– Пророк, предсказания Которого не сбылись.

– С чего вдруг? Всё время продолжают сбываться. Разве не идем мы к Его Второму пришествию? Нет, Он не пророк, Он Бог. Второе Лицо Троицы.

– Почему же тогда не Первое, если Бог? – Он сделал паузу: – Поймите, мы же не пугаем антихристом, мы, так сказать, не его шестёрки, мы как раз исполняем Писание: «Едино стадо, один Пастырь... Отрёт всякую слезу... ягнёнок возляжет со львом... несть ни эллина, ни иудея...»

– Так же и перед антихристом будут цитировать.

– То есть мы с вами не договоримся?

– О чем? – спросил я. – Иисус Христос – не Моисей, не Илия, не Иоанн, не Исаяя, не Даниил, не Самуил, не другие. Не Магомед, не Будда Гаутама. Вот они – пророки. И все они говорили именно о приходе Христа как Бога.

– Тогда давайте очистим Его учение. Верить еврею?

– Какая может быть национальность у Сына Божия? И что за дело будет до национальности в грядущем огне? «Кая польза в крови моей, вегда сходить мне во истление?» Но вообще, прости, Господи, мы очень вольно рассуждаем о Господе. Господь непостижим. В Нём постижимо только одно: то, что Он непостижим.

– Но что же тогда, если учение такое хорошее, мир во зле лежит? И почему Господь, зная о склонности человека ко греху, не лишил его такой склонности? Нет, надо брать дело спасения в свои руки. И Господь, думаю, нас одобрит. И вас, если поймёте необходимость действия. – Он щёлкнул пальцами. – Есть силы, есть средства. В наших возможностях много чего. Ваша помощь нужна, чтобы вы, ваши друзья внедряли в общество мысль о спасении России в новых обстоятельствах времени демократии. Чтобы полюбовно. Без насилия.

– Мысль, лишающую Россию Христа, в Россию не внедрить никогда. Россия, это понятно из её пути, живет в вечности, а Христос – это и есть вечность. Идём к Нему. Для России религия не часть мировой культуры, а образ жизни по вере. Сто раз внедряли иное понимание России, всё без толку. Смотрите, в России не получилось даже перевода времени Церкви на новый стиль. Большевики добивались. Патриарх Тихон ответил: «Перейти-то можем, но люди в церкви придут по старому стилю, то есть по Божескому».

– Но жизнь не стоит на месте.

– Да, жизнь меняется, но Христос неизменен. Это и есть скала, на которой стоит Россия. Пока же, пока наши правители уверяют, что главное направление их деятельности – повышение материального благополучия народа, дело плохо.

– А какое же должно быть главное направление?

– Это азбука: спасение души, нравственность, любовь друг к другу. То, что принёс Христос. Когда мировая общественность вещает, что человек – это высшая ценность, сатана пляшет от счастья.

Он поднял брови, взялся за ус и выразил лицом недоумение:

– Разве не так? Кто же тогда во главе угла, если не человек?

– Как кто? Создатель человека.

– И обезьяны? – Он отпустил ус и усмехнулся. – Может быть, поужинаем?

– Если можно, я бы до дому.

– Что ж. – Мы встали...

Смешно и страшно

...и дальше говорили стоя.

– Он вам как представился? Николаем Ивановичем? Важничал?

– Откровенничал. Стращал.

– Так и я ничего не скрываю. Но скажу, что такие, как он,

у меня повсюду расставлены, но и они, и даже и я – это всё инструменты. Мы все – исполнители. – Мы пошли к лифту. – Что ж это Россия такая бесстрашная-то, а? – Мужчина коротко покосился. – И умирать русские не боятся, а?

– Смерти нет для русских.

– Для русских нет смерти? – Он спросил как будто себя самого.

– Вообще-то душа у всех бессмертна, – сказал я, – но мы особенно это знаем, больше всех перестрадали. Нас Господь любит. Кого любит, того наказывает. Россия – это любимый ребенок Господа. Он доверчив, увлекается иногда игрушками, но он чист душой. Он свободнее других в поступках. Когда он ощущает, что удалился от Бога, то в страхе бежит обратно к Нему, надеясь на прощение.

– Больше не побежит. – Он застегнул верхнюю пуговицу на рубашке. – Россия приговорена. Теперешнее правительство нам нужно для того, чтобы подчинить Россию мировому порядку, а это, которое мы здесь готовим, уже окончательно Россию уничтожит. Могли бы это сделать и теперешние, но оказались слабы, податливы на славу, на деньги, своё окружение создали из лизоблюдов, родни и знакомых. Так дела не делаются. Поправим. И с процентщиками разберёмся. Были б загадочны, если б не были жадны. А так... жадность, как всегда, губит фраера.

У снегохода мы остановились. Он задержал мою руку и с улыбкой произнес:

– Едешь сюда – одни планы, а встречаешь юную особу, которая не то что от острова, от родового замка, даже от перстенка отказывается, да ещё и на все предупреждения о гибели её родины рукой машет. Ерунда всё это, говорит. И ты, говорит, дурью не мучайся. Каково?

– Видимо, ей лучше знать, – сказал я. – Вы озябнете, холодно.

Мы простились.

Здорово девки пляшут

Снова пролёт сквозь тёмное пространство. Вечер всё длился, но часов у меня не было, и я не знал, который час. Всё-таки на этот раз я был доставлен куда надо, к окраине села. Дверь раздвинулась, и я почти автоматически вышел на дорогу. Снегоход сразу же, как призрак, исчез.

«Что это было?» – думал я, скрипя валенками по улице. А зайду-ка к Иван Иванычу. Ведь я понял, что его дом не оборудован шпионской аппаратурой. Посоветуюсь. Если что, отсижусь. И сбегу. «Куда сбегу?» – спросил я себя. Не в своей ли ты стране, чтобы кого-то бояться? Не снится ли мне всё это, особенно заборная жизнь? Есть ли на свете Николай Иванович, этот, с усиками, другие? Было ли совещание? И не едет ли потихоньку моя крыша?

Что-то мешало подошве правой ноги в валенке. Остановился, достал. Оказалась сложенная бумажка. Чуть не вы-

бросил, но вспомнил, что не я же её положил. Кто-то же другой. Света убывающего дня не хватало для прочтения, засунул бумажку в карман. Потом.

Иван Иваныч ничуть не удивился, будто и ждал. Он не простирался, к моему удивлению, на своем лежбище, не был окружен пивными емкостями, а сидел за столом, просматривая бумаги.

– Смело живешь, – сказал я, здороваясь, пожимая его большую пухлую руку, – не закрываешь ни двор, ни крыльцо, ни избу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.